

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ IV.

1906.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ОБНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1906.

Вл. Н. Ивановскій. Первый всероссійскій съѣздъ по педагогической психологiи въ Петербургѣ	130
В. Г. Алексѣевъ. Гербартъ, Штрюмпель и ихъ педагогическія системы (<i>окончаніе</i>)	166

Отзывы о книгахъ:

А. Э. Соколовъ. <i>Ю. Назарова.</i> Систематическій курсъ начальной географіи. М. 1905	118
А. Н. Альмедянгенъ. <i>П. П. Федотьевъ.</i> Учебникъ товаровѣднія . . .	117
Я. Г. Моръ. <i>I. Schilling.</i> Kurzer Ueberblick über die deutsche Literatur bis zur zweiten Blütezeit. Riga. 1905	126
— Книжныя новости	127

Современная лѣтопись.

Ө. Ф. Зѣлинскій. Университетскій вопросъ въ 1906 году . . .	111
С. О. Цыбульскій. Организація средней школы въ Европѣ (<i>продолженіе</i>)	180
П. А. Булаковскій. М. С. Дриновъ (<i>некрологъ</i>)	190

Отдѣлъ классической филологіи.

П. В. Потушилъ. Региллякая повѣсть	358
Г. Ф. Церетели. Въ Менадру	400

Редакторъ **Э. Л. Радловъ.**

(Вышла 1-го августа)

РЕГИЛЬСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Повѣсть о поражении латинъ при Регилльскомъ озерѣ, сама по себѣ занимающая весьма видное мѣсто въ преданіи о начальной исторіи римской республики, имѣетъ еще и специальное значеніе въ двойномъ отношеніи. Съ одной стороны, въ этой повѣсти, и единственно только въ ней, сохранился старинный терминъ *triginta populi* для обозначенія латинъ; съ другой стороны, въ регилльской повѣсти впервые появляются римскіе диктаторы, вслѣдствіе чего она представляетъ существенный интересъ и въ вопросѣ о происхожденіи диктатуры. Значеніе и содержаніе термина *XXX populi* мы попытались опредѣлить въ 7 главѣ „Вопросовъ древняго Лація 1)“. Вопросу о возникновеніи римской диктатуры будетъ посвящена отдѣльная статья. Въ настоящее время мы намѣрены представить общій разборъ регилльской повѣсти въ связи съ той обстановкой, въ которой она появляется въ нашихъ источникахъ.

I. Составъ и обстановка повѣсти у Ливія и Діонисія.

1. По Ливію, въ 501 году латинскіе *XXX populi* составили заговоръ противъ римлянъ, подстрекаемые тускуланцемъ Октавіемъ Мамиліемъ 2), затемъ Тарквиніи Гордаго, который, послѣ крушенія надеждъ на помощь Порсены, нашелъ убѣжище въ Тускулѣ 3). Въ виду этой опасности, къ которой присоединились еще недоразумѣнія съ сабинянами, римляне рѣшили избрать диктатора, впервые въ римской исторіи.

1) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1905, августъ, 359 сл.

2) Liv. 2, 18, 3: *triginta iam coniurasso populos concitante Octavio Mamilio.*

3) Liv. 2, 15, 7: *Tarquinius spe omni reditus incisa exulatum ad generum Mamilium Octavium Tusculum abiit.*

Такое рѣшеніе мотивировалось у нѣкоторыхъ анналистовъ недовѣреніемъ къ тогдашнимъ консуламъ, которыхъ подозревали въ принадлежности къ тарквиніевской партіи ⁴⁾). Но при этомъ Ливій заявляетъ, что собственно даже и не было извѣстно, какіе это были консулы, равно какъ существовало разногласіе также въ вопросѣ о томъ, кто былъ первымъ диктаторомъ римской республики, такъ какъ одни считали таковымъ Тита Ларція, другіе, напротивъ, Манія Валерія ⁵⁾). Самъ Ливій примыкаетъ къ мнѣнію первыхъ, выставляя первымъ диктаторомъ Т. Ларція ⁶⁾).

Диктаторъ Ларцій, избранный такимъ образомъ прежде всего противъ латинъ, не предпринимаетъ, однако, противъ нихъ ровно ничего, да и сами латины въ рассказъ Ливія совершенно исчезаютъ изъ виду. Изъ диктатора для войны съ латинами Т. Ларцій превращается въ бездѣтельное пугало, устрашавшее, главнымъ образомъ, шлебеевъ, а на второмъ планѣ также сабинявъ ⁷⁾). Еще болѣе спокойно проходитъ слѣдующій (500) годъ, отмѣченный именами консуловъ Ser. Sulpicius M. Tullius ⁸⁾). Только уже въ 499 году открывается война съ латинами.

Своему рассказу объ этой латинской войнѣ Ливій предпосылаетъ заявленіе о томъ, что Пренестъ отпалъ отъ латинъ и перешелъ на сторону римлянъ ⁹⁾; но въ дальнѣйшемъ повѣствованіи пренестинцы совершенно отсутствуютъ, такъ что не видно, ради чего Ливій упоминаетъ о нихъ. Эта замѣтка о пренестинцахъ является и вообще изолированной, такъ какъ въ данномъ мѣстѣ (гл. 19) Ливій не даетъ никакихъ другихъ указаній не только на предшествовавшія обстоятель-

⁴⁾ Liv. 2, 18, 4: quibus consulibus, quia ex factione Tarquiniana essent, — id quoque enim traditur, — parum creditum est.

⁵⁾ Ibid. § 5—6.

⁶⁾ Споръ о первомъ диктаторѣ обуславливался различіемъ хронологическаго распредѣленія матеріала: для тѣхъ, кто ставилъ впередъ регильскую повѣсть, первымъ диктаторомъ являлся Т. Ларцій; если же она помѣщалась послѣ рассказа о побѣдѣ сабинявъ, то первымъ диктаторомъ оказывался Маній Валерій.

⁷⁾ Liv. 1. c. §§ 8—11.

⁸⁾ Являясь простой хронологической заточкой, заполнившей пробѣлъ между 501 и 499 годами, консулы Сервій Сульпицій и Маній Туллій обязаны своимъ существованіемъ вымышленному рассказу о заговорѣ, представленномъ въ видѣ копій латинской смуты, съ цѣлью противопоставить самовластнымъ поступкамъ Цицерона коррективныя дѣйствія древнихъ консуловъ, потребовавшія все-таки исключительной жертвы (Dion. 5, 53).

⁹⁾ Liv. 2, 19, 2: Praeneste ab Latinis ad Romanos descivit.

ства и условія войны, но и на связь съ послѣдующими событіями. Все дѣло исчерпывается тутъ исключительно только разсказомъ о битвѣ и побѣдѣ диктатора А. Постумія. Не указано даже, какъ и почему избранъ былъ диктаторъ.

Разсказъ начинается просто съ того, что диктаторъ Авль Постумій и его начальникъ конницы Титъ Эбуцій столкнулись съ латинами при Регилльскомъ озерѣ въ тускуланской области и немедленно вступили въ бой. Не сказано ни слова о приготовленіяхъ къ битвѣ, о выступленіи въ походъ и о самомъ походѣ до мѣста битвы. Нѣтъ даже обычныхъ указаній на расположеніе отрядовъ обѣихъ воюющихъ сторонъ. Повѣствователь вводитъ читателя прямо *in medias res*, чисто эпическимъ способомъ. Притомъ во всемъ этомъ разсказѣ только заключительная сцена имѣетъ характеръ массоваго сраженія, въ то время какъ все прочее состоитъ изъ ряда послѣдовательныхъ картинъ, изображающихъ единоборство вождей, которые въ концѣ концовъ всѣ оказываются убитыми или ранеными, за исключеніемъ одного только римскаго диктатора. Эта своеобразная черта разсказа о Регилльской битвѣ подмѣчена самимъ Ливіемъ ¹⁰⁾.

Лишь только столкнулись оба непріятельскія войска, какъ сейчасъ же Тарквиній Гордый, несмотря на свой престарѣлый возрастъ ¹¹⁾, верхомъ на конѣ бросается противъ римскаго диктатора, но, получивъ рану въ бокъ, уводится изъ битвы подбѣжавшими къ нему воинами.

Съ другой стороны римскій магистръ конницы Эбуцій ¹²⁾ кинулся, также верхомъ, на тускуланца Октавія Мамилія, который, замѣтивъ его движеніе, самъ выѣхалъ ему навстрѣчу. Оба они направляютъ другъ противъ друга свои копья. Мамилій пронзаетъ руку Эбуція, а послѣдній наноситъ Мамилію рану въ грудь. Раненаго Мамилія латины уводятъ въ задніе ряды, въ то время какъ Эбуцій остается въ строю.

Но и раненый Мамилій вслѣдъ за этимъ снова возвращается въ сраженіе, хотя и только для того, чтобы побудить къ бою сына Тарквинія (безъ имени). Когда же молодой Тарквиній выступаетъ во главѣ

¹⁰⁾ Liv. I. c. § 5.

¹¹⁾ Ib. § 6: *quamquam iam aetate et viribus erat gravior.*—По Діонисію (6, 11) Тарквинію тогда было около 90 лѣтъ.

¹²⁾ Ливій помѣщаетъ его здѣсь *ad alterum cornu*, изъ чего слѣдуетъ, что онъ представлялъ себѣ диктатора и магистра занявшими мѣста на обѣихъ флангахъ, причемъ не видно, кто командовалъ въ центрѣ. См. вын. 17.

отряда римскихъ изгнанниковъ (*cohors exulum Romanorum*), то навстрѣчу ему выходитъ верхомъ Маркъ Валерій, братъ Публиола, и направляетъ свое копье противъ Тарквинія. Молодой противникъ не выдержалъ натиска Валерія и сталъ отступать. Тогда Валерій погнался за нимъ, стремительно врѣзываясь въ средину неприятелей, пока не свалился мертвымъ съ лошади; при паденіи на землю собственное его оружіе прикрыло сверху тѣло погибшаго.

Послѣ этого въ бой вступила свита (*cohors praetoria*) римскаго диктатора съ его легатомъ Т. Герминіемъ во главѣ. Противъ Герминія снова выступилъ Мамилій, но сейчасъ же повалился на землю, убитый однимъ взмахомъ копья Герминія. Послѣдній сталъ снимать доспѣхи съ убитаго врага, но тутъ же самъ былъ смертельно раненъ метательнымъ дротикомъ и умеръ въ римскомъ лагерѣ, куда его отнесли, какъ побѣдителя.

Наконецъ, римскій диктаторъ приказалъ конницѣ спѣшиться и выйти на сраженіе. Образовавъ первый рядъ римскаго войска, всадники заплотили антесигналовъ своими круглыми щитами, подъ прикрытіемъ которыхъ пѣхота оправилась настолько, что, когда латины подались назадъ, всадники снова могли сѣсть на коней и, идя впереди пѣхоты, окончательно разгромить врага. Этому успѣху римскаго оружія содѣйствовалъ съ одной стороны данный диктаторомъ въ этотъ моментъ битвы обѣтъ построить въ Римѣ храмъ въ честь Кастора, а съ другой—обѣщаніе наградъ воинамъ, которые и ворвались въ лагерь латинъ, преслѣдуя ихъ по пятамъ.

„Вотъ какъ сражались при Регилльскомъ озерѣ“. Этими словами Ливій заканчиваетъ свой рассказъ, добавивъ еще замѣтку о томъ, что диктаторъ и его магистръ возвратились въ Римъ съ триумфомъ. Но совсѣмъ не указано, куда дѣвались разбитые латины и почему римляне не воспользовались своей рѣшительной побѣдой для наказанія тускуланцевъ и ихъ подстрекателя Тарквинія. Весь рассказъ Ливія о латинской войнѣ въ этомъ мѣстѣ сводится къ изображенію одной только битвы, безъ предварительныхъ дѣйствій и безъ послѣдствій. Заключительными словами Ливія: „вотъ какъ сражались при Регилльскомъ озерѣ“ исчерпывается все содержаніе его рассказа о войнѣ съ латинами въ 499 году. Регилльская битва стоитъ у него совершенно особнякомъ.

2. Совсѣмъ иначе дѣло обставлено у Діонисія, рассказъ котораго объ этой войнѣ съ латинами представляетъ собою хорошо закругленное прагматическое повѣствованіе съ изложеніемъ предварительныхъ

и заключительныхъ обстоятельствъ международнаго и военнаго характера.

Дѣйствія противъ латинъ и въ частности противъ тускуланцевъ открываетъ еще первый диктаторъ Т. Ларцій, совершенно бездѣйствующій у Ливія. Однако и у Діонисія Ларцій является скорѣе въ роли дипломата, чѣмъ военачальника, и, не доводя дѣла до рѣшительныхъ мѣропріятій, въ концѣ концовъ заключаетъ съ латинами перемиріе на годъ ¹³⁾. По истеченіи этого года латины, подстрекаемые Мамиліемъ и Тарквиніемъ, готовятся снова къ войнѣ съ римлянами ¹⁴⁾. Но этой войнѣ сочувствуютъ только аристократы, въ то время какъ простой народъ стоитъ на сторонѣ римлянъ, такъ что многіе даже покидаютъ родину и переселяются въ Римъ. Римляне съ своей стороны отправляютъ противъ латинъ три отряда, изъ которыхъ однимъ командуетъ диктаторъ А. Постумій, другимъ магистръ Т. Эбуцій, а третьимъ Т. Виргиній. Послѣдній выступаетъ тутъ на сцену потому, что Діонисій, въ отличіе отъ Ливія, относитъ войну къ 496 году, когда консулами были А. Postumius T. Virginius ¹⁵⁾.

Пока римляне собрались въ походъ, латины успѣли разгромить Корбіонъ и получить поддержку отъ анційскихъ вольсковъ, ожидая такой же помощи и отъ остальныхъ вольскихъ народовъ. Въ виду послѣдняго обстоятельства Постумій поспѣшилъ перейти въ наступленіе, прежде чѣмъ къ латинамъ подойдутъ ожидаемые вспомогательные отряды ихъ союзниковъ. Узнавъ о наступленіи римлянъ, латины, предводительствуемые Октавіемъ Мамиліемъ и Секстомъ Тарквиніемъ, сыномъ Тарквинія Гордаго, расположились лагеремъ на горѣ вблизи Регильскаго озера. Подоспѣвшій сюда диктаторъ Постумій избралъ для своего лагеря еще болѣе возвышенное мѣсто. Подобнымъ образомъ поступилъ и прибывшій нѣсколько позднѣе консулъ Виргиній. Лагерныя мѣста диктатора и консула были избраны ими съ такимъ расчетомъ, чтобы отрѣзать у латинъ пути къ Риму: консулъ загородилъ лѣвую дорогу, диктаторъ — правую. А магистру Эбуцію диктаторъ приказалъ занять третье мѣсто, въ тылу у латинъ, такъ чтобы отрѣзать у нихъ подвозъ провіанта. Вслѣдствіе этого противъ Эбуція выступилъ Секстъ Тарквиній, намѣреваясь сбить его съ занятой имъ позиціи, что, однако, не удалось. Такимъ образомъ, латины, охвачен-

¹³⁾ Dion. 5, 76.

¹⁴⁾ Ibid. 6, 2 сл.

¹⁵⁾ Liv. 2, 21, 3.

ные римлянами съ трехъ сторонъ и опасаясь недостатка въ провіантѣ, оказались вынужденными вступить немедленно въ рѣшительное сраженіе, не дожидаясь прибытія шедшихъ имъ на помощь вольскихъ отрядовъ. Съ другой стороны и римляне, перехватившіе письма вольсково, также сгѣшили сразиться раньше полученія латинами подкрѣпленій. Вся эта мотивировка необходимости сраженія отсутствуетъ у Ливія.

Для битвы оба непріятельскія войска выстроились въ слѣдующемъ боевомъ порядкѣ ¹⁶⁾: на лѣвомъ крылѣ римлянъ сталъ Эбуцій ¹⁷⁾, противъ него со стороны латинъ Октавій Мамилій; на правомъ крылѣ помѣстился консулъ Виргиній, противъ него Секстъ Тарквиній; средину занялъ диктаторъ Постумій, а противъ него выстроился отрядъ римскихъ бѣглоцовъ подъ начальствомъ другого сына Тарквинія Гордаго, Тита Тарквинія. Завязали перестрѣлку съ обѣихъ сторонъ, какъ и подобаетъ, легковооруженные, а затѣмъ уже тронулись легіоны тяжело-вооруженныхъ. Также и эта прелюдія, составленная по обычному шаблону описанія битвы, отсутствуетъ у Ливія.

Ходъ же самой битвы изображенъ затѣмъ у Діонисія въ той же послѣдовательности картинъ единоборства, какъ это имѣется и у Ливія, но съ нѣкоторыми отступленіями въ частностяхъ, а въ общемъ съ замѣтнымъ стремленіемъ къ тому, чтобы картинамъ единоборства придать по возможности колоритъ массоваго сраженія.

Какъ у Ливія, такъ и у Діонисія битва отырывается единоборствомъ Постумія и Тарквинія, причемъ раненій Тарквиній одинаково выбываетъ изъ строя. Но только это не старикъ Тарквиній Гордый, какъ у Ливія, а его сынъ Титъ, хотя Діонисій тутъ же замѣчаетъ, что Лициній и Геллій называли здѣсь именно самого Тарквинія Гордаго. Замѣна старика его сыномъ оказывалась сама собою цѣлесообразной въ виду преклоннаго возраста царя Тарквинія, которому въ то время, по расчету Діонисія, должно было быть уже около 90 лѣтъ.

Затѣмъ сражаются магистры Эбуцій и Октавій Мамилій съ подобнымъ результатомъ, какъ и у Ливія: оба героя были ранены, но такъ что обѣихъ пришлось вынести изъ битвы, послѣ чего, однако, Мамилій сейчасъ же возвращается на свое мѣсто.

Напротивъ, раненаго Эбуція на лѣвомъ флангѣ замѣняетъ легатъ М. Валерій. Возвратившійся въ сраженіе Мамилій вступаетъ въ едино-

¹⁶⁾ Dion. 6, 5.

¹⁷⁾ Отсюда и ливіево ad alterum cornu, см. вын. 12.

борство также и съ Валеріемъ и убиваетъ его. У Ливіа соперникомъ Валерія въ этой сценѣ является молодой Тарквиній, въ то время какъ роль возвратившагося въ сраженіе Мамилія ограничивается только увѣщаніемъ, обращеннымъ къ молодому Тарквинію, вождю римскихъ бѣглецовъ. Кромѣ того, Діонисій опускаетъ черту безразсудства Валерія, заставляя его погибнуть болѣе почетнымъ образомъ отъ руки главнаго вождя латинъ. вмѣстѣ съ тѣмъ у Діонисія введена частность, отсутствующая у Ливіа: тѣло убитаго М. Валерія отстаиваютъ два его племянника, Публий и Маркъ, сыновья Публиколы, и при этомъ исполненіи долга родственной любви погибаютъ оба.

Единоборство четвертой пары, Мамилія и Герминія, происходитъ и у Діонисія въ томъ же видѣ, какъ у Ливіа: оба героя взаимно убиваютъ другъ друга.

Рѣшающій оборотъ битвы также, по Діонисію, произведенъ былъ диктаторомъ Постуміемъ при содѣйствіи всадниковъ. Однако, въ отличіе отъ Ливіа, Діонисій выводитъ здѣсь на сцену со стороны латинъ Секста Тарквинія, который погибаетъ здѣсь при той обстановкѣ, которая у Ливіа присвоена смерти Валерія. Въ этой заключительной сценѣ латинцы у Ливіа не выставляютъ никакого вождя.

Когда такимъ образомъ погибли всѣ латинскіе вожди, то латинцы бросались бѣжать, а римляне, преслѣдуя ихъ по пятамъ, заняли ихъ лагерь, въ которомъ нашли богатую добычу. Изъ 43.000 латинскихъ воиновъ послѣ сраженія уцѣлѣло менѣе 10.000 ¹⁸⁾; въ плѣнъ взято 5.500 латинъ ¹⁹⁾.

Едва кончилась битва при Регилльскомъ озерѣ, какъ донесли римскому диктатору, что приближаются вольски, шедшіе на помощь латинамъ. Но, узнавъ о результатѣ битвы, вольски немедленно возвратились домой, не вступая въ сраженіе. Послѣ этого римляне и латинцы поладили между собою, возстановивъ взаимную дружбу ²⁰⁾. Съ вольсками же въ слѣдующемъ 495 году дѣло дошло до войны, которая также окончилась побѣдою римлянъ, взявшихъ тогда и разграбившихъ Свессу Помецію ²¹⁾. А все это переплетается съ внутренней борьбой сословій въ Римѣ ²²⁾.

3. По Діонисію, Регилльская битва происходитъ въ 496 году,

¹⁸⁾ Dion. 6, 12.

¹⁹⁾ Ib. 6, 17.

²⁰⁾ Ib. 6, 18, 21.

²¹⁾ Ib. 6, 29.

²²⁾ Ib. 6, 22 сл.

причемъ съ самаго же начала причастными къ латинской войнѣ оказываются и вольски; вслѣдъ за этимъ, въ 495 году, состоялось съ одной стороны примиреніе съ латинами, а съ другой — походъ противъ вольсковъ, кончившійся взятіемъ Свессы Помеци. Напротивъ, у Ливія Регилльская битва приурочена къ 499 году и притомъ ни въ всякой связи съ вольсками. Затѣмъ слѣдуютъ три совершенно безсодержательные года, въ теченіе которыхъ отношенія между римлянами и латинами остаются какими-то неопредѣленными ²³⁾. Только въ 495 году обстоятельства выясняются, но выясняются они здѣсь уже вполне согласно съ изложеніемъ Діонисія. Приступая къ разсказу о событіяхъ 495 года, Ливій мотивируетъ войну съ вольсками указаніемъ на помощь, которую вольски хотѣли оказать латинамъ въ Регилльской битвѣ, но не успѣли сдѣлать этого, такъ какъ римскій диктаторъ послѣднимъ завязать сраженіе до прибытія вольскихъ вспомогательныхъ отрядовъ ²⁴⁾; въ разсказѣ о 499 годѣ объ этомъ не сказано ни слова. Въ 495 году вольски пытались поднять латинъ противъ римлянъ. Но латины, помня о своемъ недавнемъ (гесепс) пораженіи, рѣшительно отказали вольскамъ въ содѣйствіи. Обрадованные такимъ поведеніемъ латинъ, римляне возвратили имъ 6.000 плѣнныхъ ²⁵⁾, на существованіе которыхъ въ самомъ разсказѣ о Регилльской битвѣ Ливіемъ не было сдѣлано никакого указанія. Въ свою очередь благодарные латины, въ отвѣтъ на такое великодушіе римлянъ, послали цѣнный даръ въ храмъ капитолийскаго Юпитера, и вообще между римлянами и латинами водворилась тогда такая идиллическая дружба, какой никогда не было ²⁶⁾. Вольски же согласились сперва выдать 300 заложниковъ, но дѣло все-таки дошло до войны, разсказъ о которой Ливій, согласно съ Діонисіемъ, переплетаетъ съ внутренней ссорой патриціевъ и плебеевъ.

II. Разнорѣчія вариантовъ Ливія и Діонисія.

Вполнѣ очевидно, что, въ распоряженіи Ливія находились два различные варианта о латинской войнѣ, изъ которыхъ одинъ, приуроченный къ 499 году, представлялъ собою одну голую повѣсть о

²³⁾ Liv. 2, 21, 2: triennio deinde nec certa pax nec bellum fuit.

²⁴⁾ Liv. 2, 22, 1.

²⁵⁾ Ibid. § 4. Это — круглое число тѣхъ 5.500 плѣнныхъ, о которыхъ говоритъ Діонисій (6, 17).

²⁶⁾ Ibid. § 7.

Регилльской битвѣ, безъ всякаго отношенія къ вольскамъ; другой же вариантъ, тотъ самый, который воспроизведенъ у Діонисія, былъ приуроченъ къ 496 году и заключалъ въ себѣ прагматически полнос освѣщеніе Регилльской битвы въ ряду другихъ событій, относимыхъ къ этому же времени. Изложеніе Діонисія является такимъ складнымъ и гладкимъ, что, по будь Ливіи, трудно было бы доискаться тѣхъ основныхъ элементовъ, изъ которыхъ соткано это искусное повѣствованіе, столь подозрительное своей прагматической ясностью и полнотою.

Въ этомъ второмъ вариантѣ съ Регилльской битвой скомбинирована въ одно связанное цѣлое война противъ вольсковъ, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ разрушеніе Свессы Помеци. Благодаря особому случаю, вызванному недоразумѣніемъ со стороны добросовѣстнаго Ливія, мы имѣемъ возможность указать не только причину такого сдѣлленія вольской войны съ латинской, но и подлинную форму извѣстія о войнѣ съ вольсками 495 года. Разсказъ Ливія и Діонисія о войнѣ изъ-за Помеци, приуроченный къ 495 году, представляетъ собою явный дубликатъ извѣстія о войнѣ съ аврунками изъ-за той же Помеци, сообщеннаго Ливіемъ подъ 503—502 годами ²⁷⁾. Если здѣсь отбросить фразеологическій элементъ, привнесенный для оживленія разсказа, то эта война съ аврунками сводится къ слѣдующимъ даннымъ. Въ 503 году двѣ латинскія колоніи, Помеція и Коры, отпали отъ римлянъ къ аврункамъ ²⁸⁾. Въ слѣдствіе этого римляне предприняли походъ противъ аврунковъ и осадили Помецію, но, получивъ 300 заложниковъ, вернулись съ триумфомъ домой; въ слѣдующемъ 502 году война возобновилась и Помеція была уничтожена: городъ разрушенъ, земля отобрана и продана, а жители частью казнены, частью проданы въ рабство. Подобнымъ образомъ и въ 495 году римляне, отправившись войной противъ вольсковъ, получили отъ Помеци и Коры 300 заложниковъ ²⁹⁾, послѣ чего возвратились домой ³⁰⁾. Однако вольски все-таки произвели нападеніе на римлянъ, которые отбросивъ вольсковъ къ Свессѣ Помеци, овладѣли этимъ городомъ

²⁷⁾ Liv. 2, 16, 8—17, 4.

²⁸⁾ § 8: eodem anno duae coloniae Latinae, Pometia et Cora, ad Auruncos deficiunt.

²⁹⁾ Liv. 2, 22, 2.

³⁰⁾ Получившіяся здѣсь промежутки времени восполнены волненіями плебеевъ (Liv. 2, 23—24).

и предали его разграбленію ³¹⁾. Тождество обѣихъ этихъ войнъ вполне очевидно. Вся разница здѣсь въ томъ, что враги римлянъ въ одномъ случаѣ названы аврунками, въ другомъ—вольсками. Кроме того, въ противоположность къ сдѣленію вольской войны съ латинской, въ войнѣ съ аврунками латины причастны лишь постольку, поскольку дѣло касается отпаденія двухъ латинскихъ колоній

Версія съ именемъ аврунковъ представляетъ собою небольшую замѣтку, исчерпывающую дѣло въ немногихъ словахъ; напротивъ, война противъ вольсковъ изложена въ болѣе пространной редакціи, съ приобщеніемъ, кроме латинской войны, также и плебейскихъ волненій. Краткая форма первой версіи сама собою говоритъ въ пользу ея преимущества передъ второй. Въ обѣихъ версіяхъ война происходитъ въ два приема. Но между тѣмъ, какъ въ войнѣ съ вольсками получаютъ два похода противъ Помеціи въ теченіе одного и того же 495 года, война съ аврунками распределена между двумя смежными годами, 503 и 502. Также и это обстоятельство указываетъ на преимущество версіи съ именемъ аврунковъ. Двойной походъ въ обоихъ случаяхъ получился отъ того, что извѣстіе о судьбѣ Помеціи восходитъ къ греческому источнику, исчислявшему время по олимпиадамъ, годы которыхъ не совпадаютъ съ годами римскаго календаря, начинаясь въ серединѣ одного года и оканчиваясь въ серединѣ слѣдующаго. Въ греческомъ источникѣ гибель Помеціи значилась подъ 2 годомъ 69 олимпиады, соответствующимъ двумъ смежнымъ половинамъ 503 — 502 римскихъ годовъ. Этимъ источникомъ и могъ быть историкъ Тимей, первый примѣнявшій послѣдовательно счетъ по олимпиадамъ.

Подлинныя аврунки появляются въ римской исторіи впервые только въ 345 году и притомъ еще въ качествѣ мало извѣстнаго римлянамъ народа, внушавшаго страхъ диктатору Л. Фурию во время его похода въ эту невѣдомую область ³²⁾. А въ V столѣтіи страна аврунковъ была отдѣлена отъ римлянъ вольсками, занявшими южный Лациіи, гдѣ находилась и Помеція. Поэтому переименованіе вольсковъ въ аврунковъ въ извѣстіи о гибели Помеціи, а слѣдовательно и это самое извѣстіе, не можетъ быть приписано римскому автору. Такое переименованіе оказывалось возможнымъ только со стороны кампан-

³¹⁾ Liv. 2, 25, 5.

³²⁾ Liv. 7, 28. См. „Начало міровой политики римской республики и конецъ Лациіи“. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1904, августъ, 375.

скихъ грековъ, которые, не разбирая этнографическаго различія варварскихъ племенъ, жившихъ къ сѣверу отъ Кампаніи, обобщали ихъ подъ названіемъ авзоновъ (Ἀβζονες), по имени ближайшаго къ нимъ племени ³³⁾, въ отличіе отъ мѣстныхъ туземцевъ въ самой Кампаніи, называвшихся Ὀττοί = Osci (Opsci). Но и греки уже въ IV столѣтіи знали подлинное имя вольсковъ: Ὀλκοί ³⁴⁾. Поэтому извѣстіе о Помеціи, въ которомъ вольскамъ дано еще общее наименованіе авзоновъ, должно быть признано восходящимъ къ греческому источнику V столѣтія, близкому ко времени разрушенія Помеціи. Этимъ источникомъ могла быть только греко-кампанская лѣтопись V вѣка, повѣствовавшая о знаменитомъ куманскомъ тиранѣ Аристодемѣ и его отношеніяхъ въ Лацию ³⁵⁾. Изъ кампанской лѣтописи свѣдѣнія объ эпохѣ Аристодема (каковы: побѣда его подъ Ариціей и время переселенія послѣдняго Тарквинія въ Кумы) проникли въ сочиненія греческихъ историковъ, начиная съ Тимея (въ III столѣтіи), а отсюда и въ римскую анналистику, начиная еще съ Фабія Пиктора (каково его извѣстіе о добычѣ изъ Помеціи, обращенной на постройку Капитолійскаго храма) ³⁶⁾.

Двукратное повтореніе разсказа о гибели Помеціи указываетъ на двукратное заимствованіе этого извѣстія изъ греческихъ историковъ двумя разными авторами. Одинъ, болѣе освѣдомленный въ этнографическихъ вопросахъ древней Италіи (какимъ являлся, въ частности, Катонъ въ своихъ Origines), принимая это извѣстіе, называлъ греческихъ авзоновъ, какъ и слѣдовало, настоящимъ латинскимъ именемъ вольсковъ. Но этотъ авторъ писалъ въ такое время, когда консульскіе факты первыхъ десятилѣтій республики не были еще окончательно составлены, и когда, слѣдовательно, относимыя къ этому времени событія могли быть разнѣцены вообще только въ относительномъ хронологическомъ порядкѣ. Вслѣдствіе этого, съ одной стороны, ступовалось различіе между годомъ олимпіады и годомъ римскаго календаря, а съ другой, — въ окончательной хронологической схемѣ дѣло оказалось приуроченнымъ не къ тому году. Затѣмъ дру-

³³⁾ Отсюда и поэтическое названіе Аузонія для обозначенія древнѣйшей Италіи.

³⁴⁾ „Вопросы древняго Лациа“. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1905, июль, 279.

³⁵⁾ Тамъ же, июль, 330 сл.

³⁶⁾ Напротивъ, біографія Аристодема у Діонисія основывается на источникѣ, болѣе древнемъ, чѣмъ Тимей, какъ видно изъ того, что въ этой біографіи не принимается еще счетъ по олимпіадамъ.

гой, болѣе поздній, авторъ вторично заимствовалъ изъ греческаго источника подлинную редакцію извѣстія о Помеціи съ сохраненіемъ имени изсоповъ въ латинской формѣ и съ удержаніемъ хронологической даты подлинника. Валерій Анціатъ, послужившій источникомъ для Діонисія, не зналъ еще этой второй версіи.

Сравнительно давнее происхожденіе перваго варианта явствуетъ также изъ того, что ко времени Валерія Анціата война съ вольсками оказывалась уже прочно соединенной съ латинской войной. Второй вариантъ раскрываетъ основаніе такого соединенія: значащее въ подлинной редакціи отнашеніе двухъ „латинскихъ колоній“ ²⁷⁾ явилось тѣмъ посредствующимъ звеномъ между вольской войной и войной съ латинами, которое въ окончательномъ видѣ и привело къ прагматическому сдѣланію обоихъ этихъ дѣлъ, причемъ Регилльская битва, въ качествѣ общаго предпріятія всѣхъ латинъ, поставлена была на первомъ мѣстѣ, въ то время какъ переходъ двухъ латинскихъ городовъ на сторону вольсковъ представлялся какъ бы послѣдствіемъ неудачи, постигшей союзныхъ латинъ при Регилльскомъ озерѣ.

Въ краткой редакціи извѣстія о гибели Помеціи, сообщенной у Ливія подъ видомъ войны съ аврунками, эта война не имѣетъ никакого отношенія къ латинамъ, сражавшимся при Регилльскомъ озерѣ. Съ другой стороны, и регилльская повѣсть въ редакціи, данной Ливіемъ, является еще совершенно свободной отъ какого бы ни было участія вольсковъ въ предпріятіи латинъ. Оба эти дѣла—Регилльская битва и гибель Помеціи—въ подлинномъ видѣ составляютъ два самостоятельныя, обособленныя явленія. Разсказъ о латинской и вольской войнахъ въ обработкѣ, данной у Діонисія и дополнительно также у Ливія, свидѣтельствуетъ лишь о характерѣ историческаго метода младшихъ анналистовъ, совидавшихъ связную исторію изъ разрозненнаго матеріала.

Въ регилльской повѣсти, и только въ ней одной, латины носятъ характерное названіе: XXX populi. Діонисій даетъ полный списокъ этихъ 30 латинскихъ народовъ ²⁸⁾. Въ этотъ фантастическій списокъ, составленный, во всякомъ случаѣ, послѣ Суллы и, повидному, даже не ранѣе времени Августа ²⁹⁾, включены и пренестинцы. Въ отличіе

²⁷⁾ О значеніи этого термина въ данномъ случаѣ, см. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1905, июль, 336 и 396.

²⁸⁾ Dion. 5, 61.

²⁹⁾ „Вопросы древняго Лация“ (гл. 7), 368 сл.

отъ Діонисія, Ливій прямо заявляетъ, что пренестинцы тогда не участвовали въ заговорѣ латинъ противъ римлянъ: Praeneste ab Latinis ad Romanos descivit⁴⁰⁾. Для самаго разсказа о Регилльской битвѣ замѣтка о пренестинцахъ не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ римляне сражаются одни безъ всякой помощи со стороны пренестинцевъ, а также и у самихъ латинъ не имѣется никакой группировки ихъ отрядовъ отъ отдѣльныхъ *populi*. Единственное исключеніе составляетъ только главный вождь латинъ Октавій Мамилій, названный, въ частности, тускуланцемъ. Последнее обстоятельство и даетъ возможность опредѣлить происхождение замѣтки Ливія о пренестинцахъ. Лишенная значенія для изложенія хода битвы замѣтка о пренестинцахъ приобретаетъ надлежащій смыслъ только, какъ результатъ работы археолога, пожелавшаго опредѣлить составъ тѣхъ латинъ, которые сражались съ римлянами при Регилльскомъ озерѣ и которые въ самой повѣсти обозначены были общимъ наименованіемъ *triginta populi*. Въ качествѣ вождя этихъ латинъ выступаетъ тускуланецъ. Основываясь на этомъ, данный археологъ заключилъ, что тутъ шло дѣло о тѣхъ латинахъ, которые собирались для общихъ совѣщаній въ рошѣ Діаны на территоріи Ариціи, такъ какъ во главѣ этого арицинскаго союза латинъ стоялъ именно Тускуль. Въ надписи на жертвенникѣ богини въ Арицинской рошѣ перечислены были участники этого союза, и вотъ въ числѣ ихъ пренестинцы не значились⁴¹⁾; стало быть, пренестинцы не находились и среди тѣхъ латинъ, которые сражались при Регилльскомъ озерѣ подъ предводительствомъ тускуланцевъ. Таковъ смыслъ замѣтки Ливія: Praeneste ab Latinis descivit. А такъ какъ означенная надпись изъ роши Діаны въ Ариціи дошла до насъ черезъ посредство Катона (въ его *Origines*), то возможно и даже правдоподобно, что также и замѣтка о пренестинцахъ, а слѣдовательно и самая редакція регилльской повѣсти, принятая Ливіемъ, восходитъ къ тому же Катону. Только Катона при его глубокой осведомленности о древнѣйшихъ судьбахъ латинскихъ городовъ, могло не смущать выраженіе XXX *populi*, совсѣмъ не соответствовавшее условіямъ того времени, къ которому приурочивалась регилльская повѣсть, когда Тускуль стоялъ во главѣ всего только 8 городовъ, изъ которыхъ два—Кора и Помеція—являлись къ тому же уже только номинальными участниками этого союза.

⁴⁰⁾ Liv. 2, 19, 2.

⁴¹⁾ „Вопросы древняго Лация“ (гл. 6), 345.

Помимо общаго различія въ обстановкѣ регилльской повѣсти, также и въ наложеніи самаго хода битвы имѣются нѣкоторыя частныя отступленія, отличающія рассказъ Діонисія отъ редакціи повѣсти у Ливія.

Искусственный характеръ переработки частныхъ у Діонисія особенно нагляденъ по отношенію къ консулу Т. Виргинію, который вводится сюда только для того, чтобы стать во главѣ одного изъ придуманныхъ трехъ отрядовъ и чтобы надлежащимъ образомъ заполнить мѣсто въ диспозиціи боевого порядка передъ битвой; въ самой же битвѣ Виргиній совершенно исчезаетъ изъ виду.

Изъ первой сцепѣ единоборства на поединокъ съ диктаторомъ Постуміемъ выходитъ у Діонисія не старикъ Тарквиній, а его сынъ Титъ. Эта несущественная для повѣсти замѣна одного Тарквинія другимъ вызвана хронологическими соображеніями, опредѣлявшими для даннаго времени такую глубокую уже старость царя Тарквинія, которая дѣлала неправдоподобнымъ личное участіе его въ сраженіи. По вычисленію Діонисія, въ 496 году, къ которому онъ относитъ Регилльскую битву, 14 лѣтъ спустя послѣ низверженія Тарквинія ⁴²⁾, послѣднему было уже 90 лѣтъ ⁴³⁾. Поэтому Діонисій и считаетъ возможнымъ упрекнуть анналистовъ Геллія и Лицинія ⁴⁴⁾, равно какъ и послѣдователей перваго (οἱ περὶ Γέλλιον) въ томъ, что они выводятъ участникомъ битвы такого дряхлаго старца. Конечно, несмотря на точныя арифметическія вычисленія, упрекъ Діонисія является только обращеніемъ наивныхъ критическихъ приемовъ тогдашнихъ историковъ, не подозрѣвавшихъ, что самое число лѣтъ царствованія Тарквинія Гордаго скомбинировано произвольно и что также дата сверженія Тарквинія, которую Діонисій опредѣляетъ 509 годомъ (вмѣсто ливіевой даты 510 по эрѣ Варрона), взята слишкомъ высоко: по даннымъ куманской лѣтописи, паденіе Тарквинія произошло только около 495—494 годовъ. Притомъ упрекъ, обращенный Діонисіемъ по адресу Лицинія и Геллія съ послѣдователями ⁴⁵⁾, свидѣтельствуетъ, что другіе,

⁴²⁾ Dion. 4, 7.

⁴³⁾ По другому счету, ему должно было быть даже уже около 110 лѣтъ (Dion. l. c.).

⁴⁴⁾ Dion. 6, 11.

⁴⁵⁾ Кстати сказать, указаніе Діонисія на послѣдователей Геллія звучитъ какъ бы намекомъ на Ливія, также принимающаго здѣсь именно царя Тарквинія. Такъ какъ Геллій старше Лицинія, то слова Діонисія: Ἀλίτινος καὶ οἱ περὶ Γέλλιον, съ постановкой Геллія на второмъ мѣстѣ, слѣдуетъ, повидимому, понимать въ смыслѣ: „Лициній и вообще послѣдователи Геллія“.

болѣе древніе анналисты ⁴⁶⁾ называли здѣсь не царя Тарквинія Гордаго, а вообще только Тарквинія, безъ всякаго опредѣленія, какъ это замѣчается еще у Ливія по отношенію къ молодому Тарквинію въ сценѣ единоборства съ М. Валеріемъ. Въ редакціи повѣсти у Ливія встрѣчается только одинъ молодой Тарквиній, и притомъ безыменнѣй. Вслѣдствіе замѣны престарѣлаго царя его сыномъ, въ рассказѣ Діонисія получилось два сына Тарквинія, которыхъ поэтому пришлось обозначить для отличія именами: одинъ названъ Титомъ, другой Секстомъ. Впрочемъ, и по Ливію ⁴⁷⁾, за царемъ Тарквиніемъ въ изгнаніе послѣдовали два его сына; однако это число взято, повидимому, именно изъ того варіанта регильской повѣсти, который данъ у Діонисія. Если же Ливій не поименовалъ тѣхъ двухъ сыновей, которые послѣдовали за отцомъ въ изгнаніе, то это объясняется тѣмъ, что имя Секста оказывалось для него неумѣстнымъ, такъ какъ про этого героя легенды о Лукренці тутъ же сообщается, что онъ отправился въ свой удѣльный городъ Габин, гдѣ потомъ погибъ отъ козней своихъ противниковъ.

Болѣе существенна передоржка въ третьей сценѣ единоборства. По Ливію, Маркъ Валерій выходитъ здѣсь на поединокъ съ молодымъ безыменнымъ Тарквиніемъ. А этотъ послѣдній оказывается жалкимъ соперникомъ, испугавшимся Валерія и трусливо попятившимся назадъ. Въ свою очередь, Валерій является безразсудно горячимъ человѣкомъ: опрометью бросившись вслѣдъ за отступающимъ трусомъ, онъ врѣзывается въ толпу враговъ и тутъ погибаетъ безславною смертью, не сразившись даже съ своимъ противникомъ. У Діонисія сохранена гибель Валерія, но она обставлена болѣе почетнымъ для него образомъ: вмѣсто трусливаго сына Тарквинія въ противники данъ ему самъ вождь латинъ, Октавій Мамилій, а погибаетъ онъ не въ толпѣ враговъ, а въ борьбѣ съ своимъ соперникомъ. Мало того, геройская смерть его сопровождается еще подвигомъ двухъ другихъ Валеріевъ, сыновей Публиколы и племянниковъ убитаго Марка, отважно выручавшихъ тѣло своего дяди и также поплатившихся жизнью за эту свою pietas. Безразсудная смерть Марка Валерія оказывается, такимъ образомъ, у Діонисія замѣненною геройскою смертью цѣлыхъ трехъ Валеріевъ. Въ такой передѣлкѣ этой части повѣсти нетрудно подмѣтить руку Ва-

⁴⁶⁾ Правдоподобно, что Геллій пользовался Катонемъ, какъ Гелліемъ, въ свою очередь, Ливіемъ Макрѣмъ (*Peter, Hist. Rom. rell. CCXXXI*).

⁴⁷⁾ Liv. 1, 60, 2.

лерія Анціата, вообще не стѣнявшагося измѣнять произвольно традицію ради вѣщаго прославленія рода Валеріевъ и даже обогащать римскую исторію вымышленными героями Валеріями. Можно поэтому полагать, что свой разсказъ о Регильской битвѣ со всей ея обстановкой Діонисій заимствовалъ у Валерія Анціата ⁴⁸⁾, на котораго, впрочемъ, указываютъ также громадныя цифры убитыхъ и плѣнныхъ латинъ, сообщенныя тѣмъ же Діонисіемъ. Напротивъ, редакция Ливія взята имъ, вѣроятно, изъ Лицинія Макра, который черезъ посредство Геллія получилъ ее отъ Катона ⁴⁹⁾.

Вслѣдствіе передѣлки третьей сцены во славу Валеріевъ, безразсудный способъ смерти Марка оказался вакантнымъ. Но онъ не исключенъ изъ повѣсти, а перенесенъ на другое лицо: такимъ именно образомъ погибаетъ у Діонисія Секстъ Тарквиній въ заключительной сценѣ битвы. вмѣстѣ съ тѣмъ, у Діонисія получается какъ бы восполненіе пробѣла версіи Ливія. По Ливію, въ финальной части повѣсти диктаторъ Постумій не имѣетъ никакого противовѣса на сторонѣ латинъ. Введеніемъ въ эту сцену Секста Тарквинія здѣсь получается такая же пара соперниковъ, какая имѣется во всѣхъ предшествующихъ сценахъ. Схема попарнаго сопоставленія героевъ проведена, такимъ образомъ, послѣдовательно до самаго конца, и недочетъ версіи Ливія оказывается исправленнымъ. Однако такое исправленіе врядъ ли можетъ быть признано удачнымъ. Правда, пара вождей налицо, но нѣтъ того, что характеристично для предшествующихъ сценъ, нѣтъ, именно, единоборства. Секстъ Тарквиній вовсе не борется съ Постуміемъ, а съ римскими всадниками, среди которыхъ и погибаетъ по образцу ливіева Валерія. У Ливія Постумію даже и не присваивается роль главнаго героя со стороны римлянъ въ заключительной сценѣ. Эта роль принадлежитъ тамъ всецѣло римскимъ всадникамъ. Постумій ограничивается только увѣщаніемъ, обращеннымъ къ всадникамъ, а затѣмъ, когда они вступаютъ въ дѣло, Постумій совершенно ступенывывается. Устраняя такую бездѣтельность римскаго диктатора, Діонисій ставитъ его во главѣ ринувшихся въ бой всадниковъ. Однако это уже прямое искаженіе ситуаціи, такъ какъ, по дополнительному экскурсу самого Діонисія, римскими всадниками въ этой сценѣ предводительствовали діоскуры, которые и являются собственно главными героями заключительной части повѣсти. Возвративъ

⁴⁸⁾ *Kießling*, De Dionysi Halicarnassei antiquitatum auctoribus Latinis, 23 сл.

⁴⁹⁾ См. выше, вын. 46.

діоскурамъ ихъ мѣсто въ повѣсти, мы получаемъ не только надлежащую полноту послѣдней сцены, но и вообще такой финалъ повѣсти, который, по своимъ повѣстическимъ достоинствамъ, стоитъ несравненно выше редакціи Діонисія, подгоняющей конечную сцену къ типу предшествующихъ картинъ единоборства вождей.

Поправки, внесенныя въ регилльскую повѣсть Валеріемъ Анціатомъ, версія котораго воспроизведена у Діонисія, вызвана частью критическими соображеніями (устраненіе престарѣлаго Тарквинія), частью стремленіемъ къ уравнию послѣдней сцены съ остальными, частью, наконецъ, просто тенденціозными побужденіями во славу Валеріевъ. Одна черта обща какъ Діонисію, такъ и Ливію,—именно отсутствіе діоскуровъ, устраненныхъ изъ повѣсти подъ вліяніемъ того просвѣщеннаго критицизма временъ Цицерона и Варрона, который путемъ очищенія историческихъ разсказовъ отъ чудеснаго элемента (каково, напр., рожденіе Ромула и Рема отъ Марса) рѣшительно устанавливалъ историческую достовѣрность такихъ разсказовъ. Возстановленіемъ діоскуровъ въ принадлежащемъ имъ мѣстѣ регилльская повѣсть приобретаетъ недостающую ей въ изложеніи Ливія цѣльность построенія съ подобающимъ финаломъ: хотя вожди сами выходятъ другъ противъ друга на личную борьбу, но все-таки они не въ состояніи рѣшить дѣло своими геройскими подвигами; побѣда склоняется на одну изъ воюющихъ сторонъ только благодаря участію въ этой борьбѣ самихъ боговъ.

III. Діоскуры.

Согласно съ критическимъ недоувѣріемъ своего времени къ сверхестественному элементу въ историческомъ преданіи, Ливій устраняетъ діоскуровъ изъ регилльской повѣсти, поскольку дѣло касается ихъ личнаго присутствія въ битвѣ. Но самая идея помощи со стороны діоскуровъ сохранена, однако лишь въ видѣ незримаго покровительства божества благочестивому человѣку. Диктаторъ же Постумій заручился такимъ благоволеніемъ боговъ тѣмъ, что въ критическій моментъ битвы, когда въ дѣло вступили всадники, далъ благочестивый обѣтъ построить въ Римѣ храмъ въ честь Кастора: nihil nec divinae (=обѣтъ діоскурамъ) nec humanae (=обѣщаніе наградъ воинамъ) opis dictator praetermittens aedem Castoris vovisse fertur⁴⁰⁾. Вотъ все, что осталось у Ливія отъ легенды о діоскурахъ, а Діони-

⁴⁰⁾ Liv. 2, 19. 12.

сѣй устранилъ совсѣмъ даже такой слабый намекъ на значеніе діоскуровъ для финальной части повѣсти. Только уже послѣ того, какъ опъ довелъ до конца своѣй рассказъ въ переработанномъ видѣ, онъ даетъ дополнительный экскурсъ съ подробнымъ изложеніемъ легенды о діоскурахъ ⁵¹⁾. Содержаніе этого экскурса состоитъ въ слѣдующемъ.

Въ рѣшительную минуту, когда вступили въ дѣло всадники Постумія, между ними появились два юные воина, „красотою и ростомъ далеко превосходившіе людей нашего времени“. Они ѣхали впереди (сѣвшившихся, по Ливію) всадниковъ, поражая своими коньями попадавшихся имъ навстрѣчу латинъ и наводя на латинское войско паническїи ужась. А вечеромъ того же самаго дня, когда латини потерпѣли поражение, въ Римѣ на форумѣ появились два такіе же юноши въ военныхъ доспѣхахъ, рослые и красивые, по своему внѣшнему виду какъ будто только-что вышедшіе изъ сраженія, ведя за поводъ своихъ взмыленныхъ коней. Напоивъ лошадей и обмывъ ихъ водой изъ небольшого, но глубокаго водоема подлѣ храма Весты (=Iacus Iuturnae), юноши рассказали собравшейся около нихъ толпѣ народа о подробностяхъ битвы и объ одержанной римлянами побѣдѣ. Послѣ этого оба всадника исчезли и не могли быть найдены, несмотря на самыя тщательныя поиски городского префекта. Когда же на другой день получено было отъ диктатора донесеніе, подтвердившее всѣ показанія таинственныхъ юношей, то стало яснымъ, что это были сами діоскуры. Въ память объ ихъ чудесномъ явленіи построена была храмъ Кастора и Поллукса на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ видѣли въ день Регилльской битвы, а водоемъ, гдѣ они поили и купали лошадей, признанъ былъ съ тѣхъ поръ священнымъ. Ежегодно въ день квинтильскихъ идъ, считавшихся годовщиной регилльской побѣды, главари всадниковъ (οἱ μέγιστοι ἵππαις) ⁵²⁾ совершали торжественное жертвоприношеніе. Въ тотъ же день equites equo publico, собравшись за городомъ около святилища Марса, одѣтые въ трабеи, съ оливковыми вѣнками на головахъ, вѣзжали верхомъ въ городъ, построившись правильными рядами по трибамъ и центуріямъ ⁵³⁾, и въ этомъ видѣ проѣзжали мимо храма Кастора.

Легенда о чудесной помощи, оказанной римлянамъ діоскурами въ Ре-

⁵¹⁾ Dion. 6, 13.

⁵²⁾ Т. е., вѣроятно, tribuni celerum (см. *Hermes*, 1905, 112).

⁵³⁾ Дѣленіе на три трибы (Ramnes Tities Luceres) характерно для sex suffragia, дѣленіе на простыя центуріи—для прочихъ XII centuriae equitum. См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1903, декабрь, („Унжскія три трибы“), 576, прим. 1.

гилльской битвѣ, пользовалась большою популярностію⁵⁴). Къ ней при-
стегивались также разныя бытовыя особенности по обычаю римскихъ
археологовъ, любившихъ приурочивать возникновеніе какого-либо обы-
чая къ тому или другому опредѣленному событію римской древности.
Такъ, напримѣръ, родъ Домніевъ, къ которому принадлежалъ и
императоръ Неронъ, носилъ прозваніе *Ahenobarbi* (отецъ Нерона:
Sp. Domitius Ahenobarbus), и вотъ было придумано слѣдующее тол-
кованіе возникновенія этого *cognomen*⁵⁵). Діоскуры, появившеся послѣ
Регилльской битвы на римскомъ форумѣ, приказали одному молодому
римлянину, присутствовавшему при ихъ разсказѣ о побѣдѣ, сооб-
щить эту новость городскимъ властямъ и при этомъ, въ знакъ ихъ
божественной силы, дотронулись до его черной бороды и превратили
ее въ красную; съ тѣхъ поръ за потомками этого гражданина оста-
лось навсегда прозвище „Краснобородый“. Такого же рода и замѣ-
чаніе Ливія⁵⁶) о томъ, что, одновременно⁵⁷) съ обѣтомъ построить
храмъ Кастору, диктаторъ обѣщаль также награды тѣмъ, кто пер-
вый и кто второй ворвется въ лагерь попріятелей. У Плинія⁵⁸) эта
награда опредѣлена въ видѣ золотого вѣника, установленнаго Посту-
міемъ для воина, первымъ ворвавшагося въ непріятельскій лагерь⁵⁹).

Къ числу такихъ археологическихъ дополненій принадлежитъ и
обѣтъ диктатора построить храмъ. У Діонисія не упомянуто объ
обѣтѣ ни въ разсказѣ о битвѣ, ни въ дополнительномъ экскурсѣ о
діоскурахъ. Въ самой повѣсти сообщалось, судя по Діонисію, только
о чудесномъ содѣйствіи діоскуровъ въ битвѣ и о томъ, что въ тотъ же
день они появились на римскомъ форумѣ, въ память чего и построены
былъ храмъ Кастора на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они поили и купали
своихъ измученныхъ лошадей. Обѣтъ диктатора придуманъ былъ, по-
видимому, только дополнительнымъ образомъ въ видѣ рационалисти-

⁵⁴) Cic. n. d. 2, 2, 6; 3, 5, 11 и 13; Tusc. 1, 12, 28. Val. Max. 1, 8, 1, 1.
Flor. 1, 5, 4 и 1, 28, 14 сл. Plut. Coriol. 3; Aem. Paul. 25.—) Эта легенда приуро-
чена къ битвѣ при Региліи (Flor. 1, 38, 20. Plin.
n. h. 7, 86) и битва при Фарсалахъ (Dio, 41, 61).

⁵⁵) Suet. Nero 1. Plut. Paul. 25.

⁵⁶) Liv. 2, 19, 12.

⁵⁷) Выраженіе: *nos divinae nos humanae opis* соответствуетъ двойному обѣща-
нію диктатора, богамъ (храмъ) и людямъ (награды).

⁵⁸) Plin. n. h. 33, 11, 38.

⁵⁹) У Флора (l. c.) имѣются еще другія дополненія этого рода: римскіе всад-
ники пустили своихъ лошадей, бросивъ поводья, а диктаторъ кинулъ знамя въ толпу
враговъ, заставивъ, такимъ образомъ, своихъ воиновъ вырывать знамя.

ческаго приѣма, дававшего возможность устранить изъ повѣсти чудесную черту. Личное присутствіе діоскуровъ въ битвѣ замѣнено было обѣтомъ диктатора по шаблону позднѣйшихъ временъ.

Освященіе храма Кастора, построеннаго по сосѣдству съ *Iacis Iuturnaе*, относилось къ 484 году ⁶⁰⁾. И вотъ замѣчательно, что подъ этимъ же 484 годомъ у Діодора значится война съ тускуланцами ⁶¹⁾, о которой въ прочихъ источникахъ нигдѣ болѣе не упоминается. Въ наличной формѣ регилльской повѣсти латинскія фактически подмѣняются тускуланцами: битва происходитъ въ тускуланской области, и руководство всѣмъ этимъ предпріятіемъ латинъ, какъ въ подготовительной стадіи (*conscitante Octavio Mamilio*), такъ и во время битвы принадлежитъ тускуланцу Октавію Мамилію. Въ виду послѣдняго обстоятельства, латинская война у Цицерона ⁶²⁾ прямо называется войной съ тускуланцемъ Октавіемъ Мамиліемъ. А такъ какъ извѣстіе Діодора о войнѣ римлянъ съ тускуланцами въ 484 году стоитъ совершенно особнякомъ, противорѣча всей традиціи о дѣлахъ Латія въ теченіе першаго столѣтія республики со времени Регилльской битвы, то нужно полагать, что какъ у Цицерона, такъ и у Діодора подъ войной съ тускуланцами подразумѣвается именно война, кончившаяся пораженіемъ латинъ, предводительствуемыхъ тускуланцами, при Регилльскомъ озерѣ. Другими словами, въ источникѣ Діодора, которымъ предположительно можно считать анналиста Кассія Гемну, регилльская повѣсть сообщалась еще въ непосредственной связи съ датой дедикаціи храма Кастора. Хронологическое опредѣленіе Регилльской битвы, принятое Ливіемъ (499 годъ) и Діонисіемъ (496 годъ), принадлежатъ, такимъ образомъ, уже позднѣйшимъ анналистамъ: Линдію Макру (дата Ливія) и Валерію Анціату (дата Діонисія). Причина перенесенія регилльской повѣсти съ 484 года на болѣе раннее время сама собою очевидна. Участвовавшій въ битвѣ Тарквиній принятъ былъ Гелліемъ и его послѣдователями за Тарквинія Гордаго. Но этотъ послѣдній по даннымъ, извлеченнымъ изъ греческихъ источниковъ, умеръ въ Кумахъ въ 495 году ⁶³⁾; стало быть, онъ не могъ сражаться въ 484 году. Усвоеніе даты смерти Тарквинія повлекло за

⁶⁰⁾ Liv. 2, 42, 5.—Даты постройки римскихъ общественныхъ храмовъ, начиная съ храма Капитолійскаго Юпитера, въ общемъ болѣе или менѣе достовѣримы; основаніемъ для опредѣленія этихъ датъ служила капитолійская эра.

⁶¹⁾ Diod. 11, 40.

⁶²⁾ Cic. Att. 9, 10; n. d. 2, 2.

⁶³⁾ Liv. 2, 21, 5.

собою и перемѣщеніе Регилльской битвы ко времени до 495 года, какъ года смерти Тарквинія, А дата эта сдѣлалась известной не ранѣе времени Цицерона, такъ какъ еще Варронъ принималъ версію о смерти Тарквинія въ Тускулѣ ⁶⁴). Первоначальная же попытка хронологическаго опредѣленія регилльской повѣсти естественно примыкала къ датѣ освященія храма Кастора, въ прямой зависимости отъ указанія самой повѣсти на сооруженіе этого храма въ память чудеснаго появленія діоскуровъ на римскомъ форумѣ.

По Ливію, объявленный диктаторомъ Постуміемъ храмъ Кастора освященъ сыномъ диктатора 15-го іюля 484 года ⁶⁵). Что касается, прежде всего, этого сына диктатора, то и онъ, конечно, появился тутъ только вслѣдствіе разобщенія Регилльской битвы съ датой освященія храма. Пока регилльская повѣсть значилась подъ 484 годомъ, не было никакой необходимости въ устраненіи диктатора отъ акта дедикаціи. Опредѣленіе же дня освященія дано было храмовымъ праздникомъ. Въ этотъ именно день, 15-го іюля ⁶⁶), совершалось жертвоприношеніе главарями всадниковъ (*tribuni celerum*) и происходилъ всадническій парадъ (*transvectio equitum*), установленный, однако, только въ 304 году цензорами Фабіемъ и Деціемъ ⁶⁷). Но, рядомъ съ этимъ, существовала еще другая дата для храма Кастора: въ календаряхъ освященіе храма Кастора значилось подъ 27-мъ января ⁶⁸). Изъ этихъ двухъ датъ, 15-го іюля и 27-го января, первая считается обыкновенно болѣе древнею, основною, въ качествѣ дня освященія храма, построеннаго Постуміемъ; напротивъ, 27-ое января принимается, какъ дата новаго освященія храма послѣ перестройки, предпринятой Тиберіемъ и Друзомъ въ 6 году по Р. Хр. ⁶⁹). Однако, въ пользу преимущества даты 27-го января, помимо ея присутствія въ календарѣ Нумы, можно указать и на то, что также въ Остинъ праздникъ діоскуровъ былъ приуроченъ къ 27-му января. Поэтому Виссова ⁷⁰) находитъ болѣе правильнымъ признать именно 27-ое января подлиннымъ днемъ освященія храма Кастора, построеннаго въ 484 году;

⁶⁴) „Вопросы древняго Лація“. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1905, іюль, 335, вын. 27.

⁶⁵) Liv. 2, 42, 5.

⁶⁶) Dion. 6, 13: ἐν μηνὶ Κοικτλίῳ ταῖς καλούμεναις εἰδοῖς.

⁶⁷) Liv. 9, 46, 15: ab eodem (Fabio Maximo) institutum dicitur, ut equites idibus Quintilibus transvelerentur.

⁶⁸) Ov. fast. 1, 705 сл. CH. I², p. 308.

⁶⁹) Cp. Peter ad fast. 1. c. *Aust.*, de aedibus sacris, 43.

⁷⁰) *Wissowa*. Religion und Kultus der Römer, 217.

относительно же указанія Ливія на 15-ое іюля Виссова полагаетъ, что тутъ Ливій ошибся, принявъ за дату освященія храма предполагаемую дату Регилльской битвы. Однако такое толкованіе значенія 15-го іюля врядъ ли удачно. Жертвоприношеніе, совершавшееся въ этотъ день главарями всадниковъ, свидѣтельствуеетъ о религіозномъ характерѣ іюльскихъ ндъ. А если выраженіемъ Діонисія: οὐ μέγιστος ἱππαις обозначены, что очень правдоподобно, старинные *tribuni celerum*, не имѣвшіе въ послѣднія столѣтія республики никакого практическаго значенія, то ихъ жертвоприношеніе въ день іюльскихъ ндъ является пережиткомъ весьма глубокой древности ⁷¹⁾. Ко дню жертвоприношенія старинныхъ *celereres* приурочено было потомъ и установленное въ 304 году празднество всадниковъ. Такимъ образомъ, можно полагать, что календарная дата 27-го января и есть дѣйствительная дата освященія храма Кастора, въ то время какъ 15-го іюля представляетъ собою дату жертвоприношенія целеровъ, существовавшего еще раньше постройки храма Кастора, а потому и не имѣвшаго никакого отношенія къ діоскурамъ. Такое отношеніе получилось только въ связи съ установленіемъ въ 304 году ежегодной *transvectio equitum* ⁷²⁾. Если же Ливій признаетъ 15-ое іюля датой освященія храма Кастора, то это можетъ быть такое же археологическое заключеніе, какъ и утвержденіе Діонисія, что этотъ день считался годовщиной Регилльской битвы.

Впрочемъ новѣйшія данныя изъ раскопокъ на римскомъ форумѣ даютъ возможность и для иного толкованія даты 15-го іюля, согласно съ показаніемъ Ливія. При этихъ раскопкахъ по сосѣдству съ храмомъ Кастора открыто было еще и другое мѣсто съ остатками культа діоскуровъ, а именно надъ самимъ *lacus Inturnae*, водой котораго діоскуры полили и омывали своихъ лошадей послѣ Регилльской битвы ⁷³⁾. Въ бассейнѣ этого водоема найдены были обломки мраморной группы діоскуровъ съ лошадьми, производящіе впечатлѣніе греческой работы

⁷¹⁾ О богослужебныхъ функціяхъ трибуновъ целеровъ см. Dion. 2, 64: τοὺς ἕφεροι τοῦν κελερῶν, καὶ γὰρ οὗτοι τεταγμένως τινὰς ἱεροοργίας ἐπέτελλον.

⁷²⁾ Царскіе *celereres* не находятся ни въ какой генетической связи съ республиканскими *equites*. Присутствіе трибуновъ целеровъ совместно съ понтификами при плебскѣ *salientium* на комиціи (19-го марта) показываетъ, что *tribuni celereres* являлись пережиткомъ того же періода римскаго быта, какъ и сами *salii*, въ качествѣ военныхъ жрецовъ.

⁷³⁾ Val. Max. 1, 8, 1, 1: ad lacum Inturnae suum equorumque sudorem ablucere visi sunt. Flor. 1, 28, 14.

изъ первой половины V столѣтія ⁷⁴⁾, т. е. какъ разъ изъ того времени, къ которому относится постройка храма Кастора ⁷⁵⁾. Поэтому правдоподобно, что въ 484 году сооружено было лишь небольшое святилище діоскуровъ надъ самымъ *lacus Iuturnae*, вытѣцавшее въ себѣ найденную нынѣ группу діоскуровъ, и что большой храмъ Кастора, находившійся нѣсколько поодаль, на пространствѣ, отдѣленномъ отъ *lacus Iuturnae* довольно широкимъ проходомъ, воздвигнуть былъ только впоследствии, быть можетъ, даже въ прямой связи съ установленіемъ ежегодной *transvectio equitum* ⁷⁶⁾. Въ такомъ, случаѣ показанный Ливіемъ дата освѣщенія храма Кастора, 15-ое іюля, могла бы относиться къ этому позднѣйшему большому храму, въ то время какъ календарная дата 27-го января касалась бы первоначального святилища, сооруженнаго въ 484 году и продолжавшаго существовать и впоследствии, какъ доказываютъ уцѣлѣвшіе остатки мраморной группы діоскуровъ.

Въ регилльской повѣсти діоскуры являются въ роли покровителей всадниковъ, и это представленіе присуще и большому храму Кастора въ связи съ праздникомъ іюльскихъ идъ. Греки издавна смотрѣли на діоскуровъ, преимущественно какъ на представителей искусства верховой ѣзды ⁷⁷⁾. Иногда, правда, дѣлалось различіе между обоими братьями тѣмъ, что Кастору специально присвоивалась верховая ѣзда, въ то время какъ Поллуксъ представлялся кулачнымъ бойцомъ ⁷⁸⁾. Однако такое различіе, притомъ даже не совсѣмъ устойчивое (встрѣчается также обмѣнъ ролями), свойственно было только собственной Греціи, да и то не повсемѣстно. Напротивъ, въ Сициліи и въ южной Италіи господствовало представленіе о діоскурахъ, какъ о парѣ бо-

⁷⁴⁾ *Neue Jahrb. f. Klass. Alt.* 1902, 379. nr. 1.

⁷⁵⁾ Найденные обломки мраморной группы не однородны: кромѣ архаическихъ частей есть и позднѣйшія дополненія, — другой работы и изъ другого мрамора. Изъ этого заключаютъ, что группа подверглась когда-нибудь насильственному поврежденію, вызванному необходимостью въ основательномъ обновленіи. Такое поврежденіе группы и могло произойти во время галльскаго погрома.

⁷⁶⁾ Въ римскомъ храмѣ Кастора выставлена была мѣдная доска съ надписью о правахъ кампанскихъ всадниковъ, полученныхъ ими въ 340 году („Начало міровой политики римской республики“, 392 сл.). Въ постановкѣ такой надписи не было необходимости, конечно, сейчасъ же въ 340 году и въ ближайшіе года, пока Капуя была еще достаточно могущественна; она получаетъ свой смыслъ только съ конца этого столѣтія, когда измѣнились обстоятельства.

⁷⁷⁾ *Roscher, Myth. Lex.* I, 1154 сл.

⁷⁸⁾ *Hor.* c. 1, 12, 26: *hunc equis, illum superare pugnis nobilem*

жественныхъ всадниковъ ⁷⁹⁾. Съачущими верхомъ на коняхъ діоскуры изображались на монетахъ Сиракузъ, Тиндариды, Тарента. Также на произведеніяхъ тарентской керамики діоскуры часто появляются съ всадническими атрибутами. Діоскуры-всадники имѣются и на монетахъ бруттіевъ, а также на монетахъ луканскаго Песта и кампанской Нуперіи. Въ частности, на бруттійскихъ монетахъ діоскуры-всадники изображены со звѣздой надъ головой каждаго; таково также изображеніе діоскуровъ на монетахъ латинской колоніи Венузіи. Эта черта указываетъ на отношеніе обоихъ божественныхъ всадниковъ къ мореплаванію ⁸⁰⁾. По образцу серебряной монеты бруттіевъ также римскіе денаріи даютъ діоскуровъ-всадниковъ въ матросскихъ шапкахъ ⁸¹⁾. Сочетаніе образа божественныхъ всадниковъ съ водяной стихіей характеристично для южной Италиі.

Въ городахъ Великой Греціи культъ діоскуровъ пользовался большой популярностью. Въ концѣ VI столѣтія эпизефирійскіе локры, тѣснимые кротоніатами, отправили пословъ въ Спарту, бывшую однимъ изъ главныхъ мѣстъ культа діоскуровъ, съ тѣмъ, чтобы вызвать этихъ боговъ на помощь, и діоскуры исполнили ихъ просьбу. Когда дѣло дошло до сраженія между локрами и кротоніатами на рѣкѣ Сагрѣ, то діоскуры, верхомъ на бѣлыхъ коняхъ и въ красныхъ плащахъ, лично приняли участіе въ битвѣ и своимъ вмѣшательствомъ склонили побѣду на сторону покровительствуемыхъ ими локровъ ⁸²⁾. Поскольку дѣло касается участія діоскуровъ въ битвѣ, локрійская легенда является несомнѣннымъ прототипомъ регидльской повѣсти ⁸³⁾, хотя и съ нѣкоторыми отступленіями въ частностяхъ ⁸⁴⁾. Заимствованіе же римлянами локрійской легенды нельзя считать абсолютно невозможнымъ въ вѣкъ борьбы послѣдняго Тарквинія съ куманскимъ тиранномъ Аристокломъ, т. е. во времена, близкія къ построенію храма, освященнаго въ 484 году. Однако болѣе правдоподобно, что это случилось только послѣ того, какъ римляне, благодаря завоеванію Кампаніи, вошли въ близкія сношенія съ греками южной Италиі. т. е.

⁷⁹⁾ *Hermes*, 1905. 101 сл. (статья *Helbig'a*).

⁸⁰⁾ Ср. *Hor.* c. 1, 3, 2: sic fratres Helenae, lucida sidera; 1. 12, 27: quorum simul alba nautis stella refulsit.

⁸¹⁾ *Филол. Обзор.* V, 1, 24.

⁸²⁾ *Iustin.* 22, 2, 10 сл. *Diod.* 8. 32. *Strabo*, 5, 261 сл.

⁸³⁾ *Mommsen*, R. G. I², 437 сл. *Wissowa*, *Religion und Kultus der Römer*, 216, прим. 7.

⁸⁴⁾ *Neue Jahrb.* 1. c. 372.

не ранѣе второй половины IV столѣтія. Внесеніе діоскуровъ въ регильскую повѣсть обусловлено заимствованнымъ изъ той же Великой Греціи представленіемъ о діоскурахъ, какъ о цокровителяхъ всадниковъ, а это, въ свою очередь, находится въ очевидной связи съ преобразованиемъ римской конницы, вызвавшимъ установленіе въ 304 г. ежегодно *transvectio equitum* и также заимствованнымъ отъ южно-италійскихъ грековъ.

За послѣднее время въ области древностей сдѣлано одно мелкое открытіе, имѣющее, однако, весьма существенное значеніе для исторіи римскихъ всадниковъ вообще и, въ частности, для ихъ роли въ конституціи Сервія Туллія. Дѣло въ томъ, что на центуріи всадниковъ, установленныя Сервіемъ Тулліемъ, принято было смотрѣть, какъ на обыкновенную конницу въ смыслѣ отряда, сражающагося верхомъ. Между тѣмъ обнаружилось, что и греческіе всадники, по роду своего боевого назначенія, первоначально были такіе же пѣшіе фалангиты, какъ и всѣ гоплиты первыхъ имущественныхъ классовъ, отличающіеся отъ остальныхъ гоплитовъ тѣмъ, что въ ихъ распоряженіи находились лошади, но не для участія въ битвѣ, а только для облегченія передвиженія, особенно во время преслѣдованія непріятеля. Преобразование конныхъ гоплитовъ въ настоящую конницу, участвующую верхомъ въ самомъ сраженіи, начало исподволь распространяться только въ V столѣтіи: въ Аѣинахъ оно осуществилось между 477—472 годами, а въ Спартѣ лишь въ 424 году. Въ Великую Грецію это нововведеніе проникло, повидимому, еще позднѣе. Установленіе въ 304 году ежегодной *transvectio equitum* является признакомъ того, что римляне освоились съ новымъ назначеніемъ конницы только около этого времени. Въ 340 году, когда они еще только начали водворять свою власть въ Кампаніи, понятіе объ *equites* было еще равносильно понятію о высшемъ имущественномъ классѣ, какъ видно изъ присвоенія названія *equites* кампанскимъ аристократамъ-землевлдѣльцамъ⁸⁵). Въ регильской повѣсти римскіе всадники оказываются еще всецѣло на положеніи прежнихъ конныхъ гоплитовъ: въ сраженіе они вступаютъ въ пѣшемъ строю, и только тогда, когда латины подались назадъ, они вскакиваютъ на лошадей для преслѣдованія непріятеля. Но съ этимъ пережиткомъ старины соединено уже упоминаніе о всадническомъ храмѣ въ Римѣ и представленіе о діоскурахъ, какъ о цокровителяхъ всадниковъ, причемъ повѣствователь, повидимому, пред-

⁸⁵) См. „Начало міровой политики римской республики“, гл. 1.

ставлялъ себѣ діоскуровъ сражающимися верхомъ на коняхъ съ самаго же начала появленія ихъ во главѣ сражающихся римскихъ всадниковъ, изображая ихъ, такимъ образомъ, уже въ положеніи преобразованной конницы. Эта черта и указываетъ на внесеніе діоскуровъ въ регилльскую повѣсть не ранѣе конца IV столѣтія.

Найденные въ *lacus luturnae* остатки мраморной группы діоскуровъ доказываютъ, что съ самаго начала введенія въ Римъ культа діоскуровъ они представлялись въ образѣ всадниковъ. Однако то обстоятельство, что для ихъ святилища избрано было тѣсное мѣсто надъ краемъ водосема, позволяетъ догадываться, что мотивомъ для введенія этого культа служилъ не ихъ всадническій образъ, а, напротивъ, ихъ отношеніе къ водяной стихіи. Выше уже была отмѣчена связь діоскуровъ съ мореплаваніемъ. Много матеріала, доказывающаго отношеніе этихъ божественныхъ всадниковъ къ водѣ вообще, собрано Петерсеномъ⁸⁶⁾. Въ дополненіе къ этому Дейбнеръ⁸⁷⁾ отмѣтилъ разныя данныя, могущія имѣть специальное примѣненіе къ *lacus luturnae*. Этому озеру приписывалась цѣлебная сила⁸⁸⁾. Открытыя по сосѣдству съ *lacus luturnae* постройки съ группой маленькихъ комнатъ представляли собою, по толкованію Дейбнера, нѣчто въ родѣ лечебнаго заведенія, въ которомъ ютились пользовавшіеся водою озера. На возможность такого толкованія указываютъ найденныя здѣсь же статуи боговъ-цѣлителей—Аполлона и Эскулапа. Такой же богиней-цѣлительницей является и сама богиня Ютурна, какъ можно судить по этимологіи ея имени отъ слова *iuvare*⁸⁹⁾. По мысли Дейбнера, также и діоскуры появились на берегу этого озера въ качествѣ боговъ, имѣвшихъ отношеніе къ водяной стихіи, а въ данномъ случаѣ, въ частности, къ цѣлебной силѣ воды въ озерѣ Ютуры. Божба *mecastor* и *ecastor*, употреблявшаяся по преимуществу женщинами⁹⁰⁾,

⁸⁶⁾ *Röm. Mitth.* XV (1900), 344 сл.

⁸⁷⁾ *Neue Jahrb. f. Klass. Alt.* 1902, 303 сл.

⁸⁸⁾ Varro, l. 1. 5. 71: *luturna, quod laborantes iuvare consuevit.* Serv. Aen. 12, 139.

⁸⁹⁾ Чтеніе *Dinturna* (Cic. Clu. 101. Flor. 1, 28, 24) критически неважно, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ предшествуетъ слово, оканчивающееся на *d: ad, apud* (дигтографія). Форма же *luturna* засвидѣствована найденною на мѣстѣ надписью: *luturnai sacrum* (CIL. VI 3700).

⁹⁰⁾ Gell. 11, 6.—Противоположъ является божба мужчинъ *eferol* или *rol*, въ которой, по аналогіи съ *ecastor*, можно усматривать имя второго діоскура *Pollux*. Въ такомъ случаѣ, мужское *eferol* могло возникнуть въ видѣ путляваго передразни-

была бы совершенно непонятна, если бы діоскуры представлялись римлянамъ исключительно только, какъ патроны верховой ѣзды и какъ покровители всадниковъ. Напротивъ, женская божба именемъ Кастора легко объяснима, если озеро Югурны имѣло значеніе общенароднаго лечебнаго мѣста, цѣлебной водой котораго пользовались особенно женщины. Мраморная группа, остатки которой найдены на днѣ бывшаго озера Югурны, доказываетъ, что діоскуры съ самаго же начала введены были въ Римъ въ образѣ всадниковъ. Если же на первыхъ порахъ выдвигалось, въ частности, ихъ отношеніе къ водѣ, которымъ и былъ обусловленъ выборъ мѣста для ихъ первоначальнаго святилища на берегу озера Югурны, то другая сторона ихъ функций, заключающаяся въ ихъ всадническомъ образѣ, могла получить преимущественное значеніе только впоследствии, чему и соотвѣтствуетъ постройка новаго всадническаго храма Кастора на форумѣ при сохраненіи стараго святилища на лечебномъ озерѣ.

Преобразование римской конницы, совершившееся въ концѣ IV столѣтія по греческимъ образцамъ, естественно могло сопровождаться и усвоеніемъ воззрѣнія на діоскуровъ, какъ специальныхъ покровителей всадниковъ, вслѣдствіе того близкаго общенія съ греками южной Италиі, которое установилось со времени занятія Кампаніи. Напротивъ, самое введеніе культа діоскуровъ, выразившееся въ 484 году въ постройкѣ ихъ святилища на берегу озера Югурны, не могло явиться результатомъ непосредственнаго подражанія грекамъ. Вслѣдствіе нашествія вольсковъ на южный Лацій и перехода въ ихъ руки Помеціи, Кора и Анція, римляне, наравнѣ съ прочими городами сѣверной части Лація, оказывались совершенно отрѣзанными отъ Кампаніи и, слѣдовательно, и отъ непосредственныхъ сношеній съ греками южной Италиі⁹¹⁾. Въ городахъ же, находившихся въ ближайшемъ соседствѣ съ Римомъ, культъ діоскуровъ встрѣчается лишь спорадически: кромѣ Тускула отъ засвидѣтельствованъ только въ Корѣ, Ардеѣ и Остинѣ. Однако Кора въ это время находилась въ рукахъ вольсковъ и подъ ихъ владычествомъ потеряла, подобно Помеціи, всякое значеніе; обновленіе этого города послѣдовало только послѣ латинской войны 338 года⁹²⁾.

вини женскаго *castor*, причемъ возможно, что основное восклицаніе *poi* составляло только случайное созвучіе съ именемъ Поллукса.

⁹¹⁾ Сношенія съ греческимъ міромъ и вполнѣ въ Римъ произведеній греческой промышленности направлялись въ то время черезъ этрусскій городъ Царе, а главными посредниками въ этихъ сношеніяхъ были массалийцы.

⁹²⁾ „Начало міровой политики“, 478.

А въ Остію культъ діоскуровъ перешель изъ Рима, какъ видно изъ тожества тамошняго праздника съ римской датой (27 января). — также изъ участія въ остійскомъ праздникѣ діоскуровъ римскаго магистрата; притомъ спеціальнымъ божествомъ Остіи былъ Вулканъ ⁹³⁾.

Подобнымъ образомъ въ Ардеѣ наиболѣе видное мѣсто принадлежало культу Венеры ⁹⁴⁾. Напротивъ, въ Тускулѣ первенствующее значеніе, подобное значенію культа капитолійскаго Юпитера въ Римѣ, принадлежало культу діоскуровъ. Этотъ культъ считался даже прямо отличительной чертой Тускула ⁹⁵⁾. На монетахъ римскихъ магистратовъ, происходившихъ изъ Тускула, изображалась діоскуры какъ спеціальныя божества ихъ родного города ⁹⁶⁾.

На тускуланскихъ надписяхъ засвидѣтельствована коллегія храмовыхъ служителей Кастора и Поллукса (аeditui) съ магистромъ во главѣ, крупное значеніе которой видно изъ факта передачи въ ея вѣдѣніе также и мѣстнаго императорскаго культа ⁹⁷⁾. Поэтому римскій культъ діоскуровъ могъ быть заимствованъ только изъ Тускула ⁹⁸⁾, гдѣ въ свою очередь онъ долженъ былъ водвориться еще въ періодъ этрускаго владычества, оставившаго свой слѣдъ и въ самомъ названіи этого города.

Культъ діоскуровъ введенъ былъ въ Римъ въ 484 году. А незадолго передъ тѣмъ, въ 493 году, заключенъ былъ, по договору Кассія, союзъ римлянъ съ латинами, подъ которыми необходимо разумѣть тѣ шесть латинскихъ городовъ, которые уцѣлѣли отъ нашествія вольсковъ ⁹⁹⁾. Во главѣ этихъ городовъ, составлявшихъ ариципскую федерацію, стояли тускуланцы, съ которыми римляне въ теченіе всего перваго столѣтія республики находились въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ ¹⁰⁰⁾. Даже еще въ 381 году, когда, по Ливію ¹⁰¹⁾, между римлянами и тускуланцами возникло несогласіе, дѣло кончилось предоставленіемъ Тускулу полныхъ правъ римскаго гражданства ¹⁰²⁾, оформленныхъ,

⁹³⁾ Сил. XIV, р. 4.

⁹⁴⁾ „Вопросы древняго Лациа“, 404.

⁹⁵⁾ Cic. div. 1, 43, 98. Fest. p. 343.

⁹⁶⁾ См. примѣчаніе къ Сил. XIV 2603.

⁹⁷⁾ Сил. XIV, р. 254.

⁹⁸⁾ *Wissowa*, Religion und Kulus der Römer, 213.

⁹⁹⁾ „Вопросы древняго Лациа“, гл. 6.

¹⁰⁰⁾ Цитаты собраны въ Сил. XIV, р. 253.—O Diod. 11, 10 см. выше.

¹⁰¹⁾ Liv. 6, 25 сл.

¹⁰²⁾ Liv. 6, 26, 8: nec ita multo post civitatem impetrarunt. Dio fr. 28. Dion.

14, 9: πέντων μεταδόντες, ὡν τοῖς Ῥωμαῖοις μετέψ.

вѣроятно, въ видѣ взаимнаго обмѣна гражданскими правами ¹⁰³). Все это заставляетъ думать, что въ 484 году культъ діоскуровъ былъ усвоенъ римлянами именно потому, что это были боги дружественныхъ Риму тускуланцевъ. Принятіе діоскуровъ въ число римскихъ боговъ являлось весьма крупнымъ актомъ вниманія къ тускуланцамъ, дружба съ которыми, въ виду ихъ первенствующаго положенія въ арицинской федераціи латинъ, имѣла въ то время очень существенное значеніе для Рима, угрожаемаго съ одной стороны Веями, а съ другой—вольсками. Введеніе культа діоскуровъ обуславливалось политическими соображеніями.

Во всякомъ случаѣ, въ 484 году должны были существовать исключительно благопріятныя условія для принятія діоскуровъ въ число римскихъ боговъ, какъ видно изъ того, что они всецѣло были сравнены съ богами патриціанской религіи путемъ сооруженія ихъ святилища въ чертѣ священнаго померія, вслѣдствіе чего діоскуры никогда также не появляются въ числѣ тѣхъ чужихъ (греческихъ) боговъ, культъ которыхъ (съ лектистеріями) находился въ вѣдѣніи коллегіи толкователей сивиллиныхъ книгъ. Вплоть до Второй пунической войны это единственный примѣръ такого отношенія къ чужимъ богамъ ¹⁰⁴); даже храмы Сатурна, Меркурія и Цереры, освященные въ 497, 495 и 493 годахъ, должны были довольствоваться мѣстомъ за чертой померія подѣ Капитоліемъ и на склонѣ Авентина ¹⁰⁵). Причину такого удивительнаго преимущества, оказаннаго діоскурамъ, Виссова находитъ въ томъ, что это были боги латинскаго города и, слѣдовательно, какъ бы и свои собственные, такъ какъ римляне принадлежали къ тому же латинскому племени. Однако, напримѣръ, культъ арицинской Діаны оказывался латинскимъ культомъ даже и по своему происхожденію, и, тѣмъ не

¹⁰³) Мнѣніе, что въ 481 году тускуланцы получили только *civitas sine suffragio*, основано на преувеличеніи, по примѣру Ливія, представленіи о тогдашнемъ могуществѣ римской республики.

¹⁰⁴) Правда, имѣется еще другой примѣръ этого рода по отношенію къ ага шахи́та, посвященной Геркулесу. Однако въ этомъ случаѣ дѣло касается только переименованія на греческій ладъ туземнаго *dus Fidius*.

¹⁰⁵) Виссова (стр. 243) напрасно довѣряетъ сообщенію Діонисія (6, 17 и 94), что, подобно храму Кастора, также и храмъ Цереры обѣщанъ былъ диктаторомъ Постуміемъ въ Регилльской битвѣ. Скорѣе заслуживаетъ довѣршія извѣстіе того же Діонисія (6, 94), что храмъ Цереры освященъ былъ Кассіемъ. Въ такомъ случаѣ дата освященія этого храма (493), связаннаго съ именемъ Кассія, могла послужить основаніемъ для приуроченія къ этому именно году его консульства и заключенія имъ союза съ латинами

менѣе, храмъ Діаны вынесенъ былъ за черту померія, на Авентинъ. Діоскурамъ оказано было чрезвычайное преимущество не потому, что это—латинскіе боги, а потому, что это были главные боги тускуланцевъ, дружба которыхъ имѣла для римлянъ въ то время чрезвычайно важное значеніе. Отношеніемъ діоскуровъ къ водной стихіи опредѣлялся въ частности только выборъ мѣста при *lacus Iuturnae* ¹⁰⁶⁾.

При такихъ обстоятельствахъ весьма знаменательно, что въ регилльской повѣсти главными врагами римлянъ со стороны латинъ являются тускуланцы, въ то время какъ тускуланскіе боги стоятъ на сторонѣ римлянъ, сражаясь противъ гражданъ собственного своего города. Благодаря этому, повѣсть получаетъ такую враждебную тускуланцамъ окраску, которая абсолютно не годится ни для V столѣтія, ни даже для начала IV. Въ данномъ видѣ, съ своей тенденціей, явно направленной противъ тускуланцевъ, регилльская повѣсть могла быть обработана не ранѣе второй половины IV столѣтія, когда римская республика стала уже великой державой, настолько сильной, что римляне могли смотрѣть свысока на бывшихъ своихъ друзей, усгнѣвшихъ превратиться къ этому времени въ самыхъ заурядныхъ муниципаловъ. Въ 328 году, по поводу какого-то недоразумѣнія въ комиціяхъ ¹⁰⁷⁾, возникла жестокая вражда между *tribus Pollia* и *tribus Papiria*, изъ которыхъ послѣдняя состояла, главнымъ образомъ, изъ тускуланцевъ ¹⁰⁸⁾. Діоскуры оказываются ярыми противниками тускуланцевъ, потому что самъ авторъ наличной редакціи регилльской повѣсти питалъ такія враждебныя чувства къ Тускулу. Его и можно искать поэтому въ составѣ трибы *Pollia* послѣ 328 года.

Все признаки говорятъ въ пользу того, что регилльская повѣсть получила данную форму не ранѣе конца IV столѣтія.

¹⁰⁶⁾ *Helbig* (Die Castores als Schutzgötter des römischen Equitatus. *Hermes*, 1905, 101 сл.) соединяетъ заимствованіе культа діоскуровъ изъ Тускула съ заимствованіемъ отсюда же греческой организаціи римскихъ equites, а все это онъ относитъ еще къ VII и даже къ VIII столѣтію до Р. Хр. Объ организаціи тускуланскихъ всадниковъ намъ ничего неизвѣстно. Но если она была такою же, какъ у римлянъ, то послѣднимъ не захѣлъ было тутъ подражать специально тускуланцамъ, такъ какъ образцы общественнаго быта шли тогда изъ Этруріи.

¹⁰⁷⁾ Тускуланцевъ обвиняли въ томъ, что они сочувствуютъ враждебнымъ Риму Велитрамъ и Приворну.

¹⁰⁸⁾ Liv. 8, 37, 12. Val. Max. 9, 10, 1: *Papiria tribus, in qua plurimum Tusculani in civitatem recepti potuerunt. neminem umquam candidatum Polliae tribus fecit magistratum.*

IV. Основной смыслъ регилльской повѣсти.

При всемъ томъ въ повѣсти остались нѣкоторые слѣды, свидѣтельствующіе о томъ, что редакція ея, составленная въ концѣ IV столѣтія, является лишь переработкой другой, болѣе древней, формы сказанія о регилльскомъ пораженіи латинъ.

Особенно характернымъ пережиткомъ глубокой старины является обозначеніе латинъ, сражавшихся при Регилльскомъ озерѣ, посредствомъ термина *triginta populi*. Во всей римской исторіи это названіе встрѣчается только одинъ разъ, въ повѣствованіи о Регилльской битвѣ. У Ливія сказано: *triginta iam coniurasse populos concitante Octavio Mamilio satis constabat* ¹⁰⁹), а Діонисій представилъ даже полный списокъ тѣхъ 30 городовъ, которые будто бы тогда *coniuraverunt* (ἕρκουζ ἑδουσαν ἀλλήλοισι) ¹¹⁰). Въмѣстѣ съ тѣмъ, Діонисій сознательно отождествляетъ эти XXX *populi* съ латинами арицинской федераціи, вставляя двукратное упоминаніе о ихъ собраніяхъ въ Ферентинской роцѣ ¹¹¹). Такое воззрѣніе находится въ полномъ согласіи съ настоящимъ текстомъ регилльской повѣсти, по которому во главѣ возмущившихся латинъ стоятъ тускуланцы. Однако, вмѣстѣ съ діоскурами, также и тускуланцы внесены въ повѣсть редакторомъ, жившимъ уже въ періодъ непосредственныхъ сношеній римлянъ съ южно-италійскими греками, но еще въ такое время, когда бывшее главенство Тускула въ арицинскомъ союзѣ латинъ не успѣло изгладиться изъ народной памяти. Во второй половинѣ IV столѣтія арицинская федерація принадлежала уже прошлому. А если въ это время и могла еще сохраняться память о бывшей роли тускуланцевъ въ латинскомъ союзѣ, продержавшейся въ полной силѣ до начала того же IV столѣтія, то точное число участниковъ бывшей арицинской федераціи было, конечно, скоро забыто, послѣ того какъ изъ реального факта она превратилась въ преданіе старины. Анахронизмъ, заключающійся въ терминѣ XXX *populi*, свидѣтельствуетъ о томъ, что регилльская повѣсть въ первоначальной формѣ касалась другой группы латинъ, а не тѣхъ 6 латинскихъ городовъ, которые въ теченіе V столѣтія и еще въ началѣ IV составляли арицинскій союзъ подъ главенствомъ Тускула.

Помимо регилльской повѣсти память о бывшихъ XXX *populi* сохра-

¹⁰⁹) Liv. 2, 18, 3.

¹¹⁰) Dion. 5, 61. См. „Вопросы древняго Лациа“, гл. 6, 368.

¹¹¹) Dion. 5, 50 и 61: εἰς Φερεντίνον, ἐν Φερεντίνῳ.

нилась еще только въ церемоніалѣ латинскаго праздника, ежегодно справляемаго римлянами на Албанской горѣ. Въ вѣкъ Діонсія числилось всего 47 участниковъ этого праздника ¹¹²⁾. Это количество получилось путемъ дополнительнаго присоединенія 17 историческихъ участниковъ къ основному списку, состоявшему всего изъ 30 албанскихъ *rorii*. Значительная часть сообщенныхъ Плиніемъ названій этихъ XXX *rorii*, не поддается географическому опредѣленію. Но видно, что область основныхъ албанскихъ *rorii* простиралась по обоимъ берегамъ Аніена, охватывая на югъ всю мѣстность вокругъ Албанской горы внизъ до Коріоль, а на сѣверъ всю стрѣлку между Аніеномъ и Тибромъ ¹¹³⁾. Выясненные нами предѣлы территоріи албанскихъ XXX *rorii* представляютъ возможность подойти и къ вопросу о топографическомъ опредѣленіи загадочнаго Регилльскаго озера.

По Ливію, Регилльская битва происходила въ тускуланской области ¹¹⁴⁾. Въ вѣкъ Ливія Регилльское озеро, повидному, уже не существовало, вслѣдствіе чего Ливій и могъ приурочить его къ тускуланской области, согласно той роли, которую тускуланцы играютъ въ наличной редакціи повѣсти. Однако такому приуроченію противрѣчатъ нѣкоторые другія данныя. Подъ 460 годомъ Ливій сообщаетъ о томъ, что, вслѣдъ за подавленіемъ возстанія сабинянина Аппія Гердонія, консулы готовились созвать центуриатскія комиціи за чертой трибунскихъ полномочій и что для этой цѣли было ими избрано мѣсто *ad lacum Regillum* ¹¹⁵⁾. Изъ этого слѣдуетъ, что Регилльское озеро необходимо искать *in agro Romano* (а вовсе не *in agro peregrino*, какимъ былъ *ager Tusculanus*). А *ager Romanus* въ то время обнималъ собою только территорію древнѣйшихъ 17 сельскихъ трибъ ¹¹⁶⁾. Далѣе, родъ Клавдіевъ считалъ своей родиной сабинскую мѣстность, называвшуюся Региллами ¹¹⁷⁾ или Инрегилломъ ¹¹⁸⁾, вслѣдствіе чего Клав-

¹¹²⁾ Dion. 4, 49.

¹¹³⁾ „Вопросы древняго Лація“, 367.

¹¹⁴⁾ Liv. 2, 10, 3: *ad lacum Regillum in agro Tusculano*. Діонсій не опредѣляетъ мѣста Регилльскаго озера, но, повидному, предполагаетъ его тамъ же.

¹¹⁵⁾ Liv. 3, 20, 4: *crastina die armati ad lacum Regillum adsitis*; § 6: *augures in-sos adesse ad Regillum lacum locumque inaugurari, ubi auspicato cum populo agi posset*.

¹¹⁶⁾ См. „Осношная территорія римской общины“. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1902, июнь.

¹¹⁷⁾ Suet. Tib. 1: *patricia gens Claudia orta est ex Regillis, oppido Sabinorum*,

¹¹⁸⁾ Liv. 2, 16, 4: *Appius Claudius Inregillo Romam transfugit*.

дн пользовались прозваніемъ Regillenses или Inregillenses ¹¹⁹). А эту мѣстность приходится предполагать, конечно, въ предѣлахъ *tribus Claudia*, т. е. въ той части стараго *ager Romanus*, которая лежала за Аниеномъ ¹²⁰), образуя стрѣлку между этой рѣкой и Тибромъ. Отсюда явствуешь, что полумифическое Регилльское озеро принадлежало не только вообще къ *ager Romanus*, но и, въ частности, къ территоріи ближайшей къ Риму зааниенской трибы. Перемѣщеніе озера въ тускуланскую область получило лишь примѣнительно къ „тускуланской“ редакціи регилльской повѣсти. Первоначально тускуланцы здѣсь не причесть.

Въ первоначальной формѣ повѣсти о регилльскомъ поражении латинъ не могло быть тускуланцевъ ¹²¹) уже потому, что въ періодъ организаціи албанскихъ XXX *populi*, память о которыхъ навсегда сохранилась *ad sacra* въ латинскомъ праздникѣ на Албанской горѣ, еще совсѣмъ не существовало Тускула, какъ показываетъ, съ одной стороны, отсутствіе его въ спискѣ Плинія, а, съ другой—самое названіе *Tusculum*. Это названіе свидѣтельствуетъ о томъ, что городъ Тускулъ созданъ былъ только въ этрусскую эпоху (*Tusci*), когда старая организація Лація, остаткомъ которой являются албанскіе XXX *populi*, была вытѣснена новой городской организаціей по типу греческой *πόλις* ¹²²).

Если же территорія старыхъ XXX *populi* простиралась на сѣверъ за Аниенъ до береговъ Тибра (Фидоны) и если Регилльское озеро находилось въ этой сѣверной части въ предѣлахъ *tribus Claudia*, то изъ этого слѣдуетъ, что опасность, угрожавшая латинскимъ XXX *populi* и заставившая ихъ сосредоточить свои войска около Регилльскаго озера, надвигалась на нихъ изъ-за Тибра. А такъ какъ въ регилльской повѣсти выступаютъ Тарквиніи, то естественно предположить,

¹¹⁹) Liv. 8, 15, 5. *CIL*. IV (*fasti triumph.*) s. 190; *Pais*, II, 342, 2. Впрочемъ названіе *Inreg.* получило только путемъ раскрытія аббревиатуры *Crassinreg.*, что можетъ быть раздѣлено не только въ *Crass. Inreg.*, но и въ *Crassin. Regill.*

¹²⁰) Liv. 2, 16, 5: *ager trans Anienem vetus Claudia tribus appellata.*

¹²¹) См. „Вопросы древняго Лація“, 367 и 407.

¹²²) Не было тамъ, слѣдовательно, и тускуланца Октавія Маммія, который позднѣйшимъ редакторомъ повѣсти поставленъ во главѣ тускуланцевъ по вниманію къ тому выдающемуся положенію, которое родъ Мамміевъ занималъ въ старомъ Тускулѣ: въ 460 году надъ войскомъ, послѣднимъ на помощь римлянамъ во время возстанія Аппія Гердонія, стоялъ одинъ изъ Мамміевъ (Liv. 3, 18). Производство Октавія Маммія въ зятя Тарквинія есть результатъ комбинаціи, основанной на ихъ дружественной связи въ регилльской повѣсти.

что первоначально дѣло касалось здѣсь той опасности, которая угрожала Латію со стороны надвигавшихся съ сѣвера этрусковъ и которая кончилась полнымъ пораженіемъ латинъ и порабощеніемъ Латіи со стороны этрусскихъ Тарквиніевъ. Но въ такомъ случаѣ въ основной редакціи повѣсти должно было заключаться другое распредѣленіе ролей главныхъ дѣйствующихъ лицъ—Тарквинія и диктатора: первый долженъ былъ находиться во главѣ „римлянъ“¹²³⁾, а второй во главѣ латинъ. Первоначальное мѣсто диктатора на сторонѣ латинъ правдоподобно и по существу дѣла, такъ какъ римская диктатура возникла только въ 438—437 годахъ, и притомъ сперва лишь въ видѣ случайнаго явленія. До того времени существовали только латинскіе диктаторы, и притомъ въ качествѣ нормальной союзной магистратуры ариинской федераціи. Кстати замѣтимъ, что диктаторомъ въ основной редакціи повѣсти нужно считать Т. Ларція и что А. Постумій приобщенъ къ повѣсти только добавочнымъ образомъ, о чемъ будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ¹²⁴⁾. Обмѣнъ ролей Тарквинія и диктатора могъ совершиться не ранѣе конца V столѣтія, но умѣстно отнести и это на счетъ дѣятельности окончательнаго редактора повѣсти, жившаго столѣтіемъ позже, когда латинскіе диктаторы болѣе не существовали, а бывали уже одни только римскіе диктаторы.

Въ связи съ предполагаемымъ нами основнымъ смысломъ регильской повѣсти можно объяснить и слѣдующій, во всякомъ случаѣ довольно странный, фактъ, заключающійся въ томъ, что въ повѣсти имѣется конница только на сторонѣ римлянъ; въ латинскомъ войскѣ ея нѣтъ вовсе, хотя вожди ихъ сражаются верхомъ¹²⁵⁾. Организация римскихъ всадниковъ покоится на конституціи Сервія Туллія¹²⁶⁾, составляя въ ней весьма существенный элементъ. А эта конституція могла быть введена только подъ давленіемъ этрусскихъ сувереновъ,

¹²³⁾ О терминѣ *Romani* (*Ῥωμαῖοι*) для обозначенія этрускаго правительства въ Римѣ ср. „Вопросы древняго Латія“, 337.

¹²⁴⁾ Въ статьѣ „Первый римскій диктаторъ“.

¹²⁵⁾ Правда, еще до введенія конституціи Сервія Туллія въ Римѣ существовали какіе-то *seleges*, сохранившіеся въ видѣ нережитка старинны *ad zasga* въ связи съ прочими штатомъ старыхъ *gedes zasgogum*, преимниковъ мѣстныхъ римскихъ царей тарквиніевскаго періода. Однако о функціяхъ этихъ *seleges* ничего неизвѣстно, и даже самое толкованіе ихъ въ значеніи конницы только гадательно („Римскіе три трибы“, гл. II, вын. 21), хотя и вполне правдоподобно.

¹²⁶⁾ Поэтому, на основаніи одного только присутствія діоскуровъ въ регильской повѣсти, нельзя заключать, что вмѣстѣ съ культомъ тускуланскихъ боговъ изъ того же Тускула римляне заимствовали и организацію конницы (см. вын. 106).

какъ доказываетъ полное уравненіе плебеовъ съ патриціями въ дѣлѣ военной службы. Стало быть, организація римскихъ всадниковъ въ данномъ видѣ проникла въ Римъ изъ Этруріи. Первоначально всадники находились на положеніи конныхъ гоплитовъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи лошадей для облегченія передвиженія и для преслѣдованія непріятеля, въ то время какъ собственно въ сраженіи они составляли только отборную часть пѣшей фаланги перваго класса. Если же эта организація всадниковъ проникла черезъ Этрурію, то, слѣдовательно, у латинъ, при первомъ ихъ столкновеніи съ этрусками, этой организаціи еще не было. Поэтому присутствіе отряда конныхъ гоплитовъ на сторонѣ регилльскаго побѣдителя само по себѣ, безъ участія діоскуровъ, могло произвести на лишенныхъ этой организаціи латинъ то впечатлѣніе, которое въ окончательной редакціи повѣсти приписывается діоскурамъ. Конные фалангиты, въ данномъ случаѣ, сыграли роль, подобную роли слоновъ въ войскѣ Пирра. Отсутствіе конницы у латинъ составляетъ также одинъ изъ признаковъ древности основнаго матеріала регилльскаго повѣсти.

Въ предполагаемомъ нами первоначальномъ видѣ повѣсти о пораженіи латинъ при Регилльскомъ озерѣ являлась скорбнымъ отголоскомъ народной памяти о томъ, какъ погибла свобода старыхъ XXX populi и какъ водворилось этрусское владычество надъ латинами. Отношеніе къ временамъ послѣ паденія владычества Тарквиніевъ регилльскаго повѣсти получила только въ повой „тускуланской“ редакціи не раніе конца IV столѣтія до Р. Хр.

„Вотъ какъ сражались при Регилльскомъ озерѣ“.—Эти заключительныя слова повѣсти у Ливія сильно напоминаютъ собою заключительныя фразы народныхъ сказокъ. Также и общій характеръ повѣсти подходитъ къ типу народно-эпическихъ разсказовъ. Повѣствователь прямо приступаетъ къ дѣлу, къ описанію битвы, какъ собственнаго предмета своего разсказа, не заботясь о томъ, какъ его герои попали на мѣсто сраженія. Вниманіе слушателя сосредоточивается на вождяхъ, а въ заключеніе на отрядѣ всадниковъ, какъ фактора, рѣшившаго исходъ битвы. Вожди борются попарно и выходятъ на борьбу поочередно, одна пара за другой. Весь разсказъ распадается на рядъ послѣдовательныхъ сценъ. При этомъ реальная сторона разсказа довольно однообразна: всѣ герои выѣзжаютъ на поединокъ верхомъ и всѣ они дѣйствуютъ копьями. Искусство разсказчика всецѣло направлено къ разнообразію ситуацій въ отдѣльныхъ сценахъ.

Общее впечатлѣніе, производимое регилльскою повѣстью, весьма

удачно опредѣлено еще Нибуромъ. Повѣсть представлялась ему эпически взящною былинною о богатыряхъ ¹²⁷⁾, въ которой сраженіе изображено въ видѣ единоборства вождей, на подобіе Иліады. При Регилльскомъ озерѣ погибаетъ все поколѣніе богатырей; со сцены сходятъ представители героической эпохи и начинается новое время ¹²⁸⁾. Такому впечатлѣнію соотвѣтствуетъ наше предположеніе, что въ основаніи регилльской повѣсти лежитъ мотивъ о гибели Ладія подъ натискомъ этрусковъ. При наличной „тускуланской“ редакціи нѣтъ никакой гибели Ладія, такъ какъ вслѣдъ за регилльскимъ пораженіемъ латинъ идетъ союзъ Кассія, въ которомъ латинны появляются на положеніи вполне равноправныхъ союзниковъ римлянъ.

Мотиву о гибели Ладія удовлетворяетъ и толкованіе Целлера ¹²⁹⁾, по мнѣнію котораго регилльская повѣсть основана на преданіи о покореніи Ладія римлянами. Однако, согласно съ своей теоріей о сабинскомъ происхожденіи римскихъ патриціевъ, Целлеръ подъ именемъ латинъ разумѣетъ плебеевъ, то есть мѣстное латинское населеніе, поработненное пришлыми патриціями-сабинянами. Самая же битва при Регилльскомъ озерѣ не историческій фактъ, а одна изъ тѣхъ вымышленныхъ картинъ сраженій, которыми вообще такъ изобилуетъ римская исторія въ анналистической обработкѣ.

Подобно Нибуру, также Шweglerъ считаетъ Регилльскую битву заключеніемъ героическаго періода римской исторіи. Но тутъ же, соотвѣтственно своему отрицательному отношенію къ былинной теоріи Нибура, опошляетъ значеніе регилльской повѣсти предположеніемъ, что въ основаніи ея лежитъ историческій фактъ изъ того именно времени, къ которому онъ приуроченъ въ анналистикѣ ¹³⁰⁾, и что этотъ фактъ сводится къ небольшой конной стычкѣ при Регилльскомъ озерѣ, въ которой римляне одержали верхъ надъ тускуланцами; эта маленькая побѣда римлянъ въ тогдашнее смутное для нихъ время (in jener Zeit der Trübsal) обрадовала ихъ до такой степени, что они поспѣшили раздуть это событіе до размѣровъ великаго пораженія латинъ ¹³¹⁾. Шweglerъ искажаетъ тутъ одну изъ самыхъ существен-

¹²⁷⁾ Niebuhr, I⁴, 582: ist nur Heldenlied; 584: episch schön.

¹²⁸⁾ Ib. 385: im alten Gedicht das ganze Zeitalter unterging; die Männer der Heroenzeit sind aus der Welt geschieden.

¹²⁹⁾ Zöllner, Latium und Rom, 190.

¹³⁰⁾ Schwegler, II, 62: historische Thatsache; 199: dass ihm etwas thatsächliches zu Grunde liegt.

¹³¹⁾ Ibid. 201, прим. 3 и 4.

ныхъ чертъ повѣсти, заключающуюся въ томъ, что конница имѣется только на одной сторонѣ; о конной стычкѣ не можетъ быть здѣсь рѣчи, кромѣ того, и потому, что римскіе всадники сражаются въ пѣшемъ строю и вскакиваютъ на коней только тогда, когда битва оказалась уже проигранной латинами.

Также Ине ¹²²⁾ видитъ въ регилльской повѣсти отголосокъ историческаго событія изъ начальныхъ временъ республики. Онъ допускаетъ возможность, что въ нѣкоторыхъ латинскихъ городахъ, въ томъ числѣ особенно въ Тускулѣ, дѣйствительно существовали приверженцы изгнаннаго изъ Рима Тарквинія, но при этомъ онъ склоненъ считать регилльскую войну, предпринятую въ интересахъ изгнаннаго Тарквинія, не общимъ предпріятіемъ всего Ладія, а дѣломъ лишь нѣсколькихъ городовъ и даже одного только Тускула. Однако, при такомъ взглядѣ, совершенно ступшевывается характерный для регилльской повѣсти терминъ XXX populi, нигдѣ болѣе не встрѣчающійся въ римской исторіи.

Напротивъ, Моммзенъ ¹²³⁾, отрицая вообще всякое историческое значеніе регилльской повѣсти, толкуетъ ее, какъ простую этимологическую легенду, возникшую изъ прозвища Постуміевъ Regillenses, подобно тому какъ, по его же мнѣнію, легенда о спасеніи Капитолія Манліемъ развилась изъ его прозвища Capitolinus. Въ этомъ толкованіи регилльской повѣсти заключается несомнѣнная доля правды, но лишь постольку, поскольку дѣло касается приобщенія къ повѣсти Постумія. Въ анналистической обработкѣ преданія о пораженіи латинскихъ XXX populi имѣются два диктатора, Т. Ларцій и А. Постумій. Само собою очевидно, что въ народно-эпической былинѣ могъ быть только одинъ диктаторъ, а таковымъ нужно считать не Постумія, а, напротивъ, Т. Ларція.

Историческое значеніе Регилльской битвы отрицаетъ, конечно, и Папъ. Но при этомъ онъ даетъ довольно цѣнное указаніе ¹²⁴⁾ на то, что Регилльская битва въ своихъ частностяхъ является до нѣкоторой степени дублетомъ битвы при Арсіи ¹²⁵⁾, въ которой погибъ Брутъ, мифическій основатель римской республики. Сходство обоихъ рассказовъ неоспоримо, но главнымъ образомъ только въ деталяхъ. Изгнан-

¹²²⁾ *Inne*, Röm. Gesch. I², 80.

¹²³⁾ *Mommsen*, R. F. II, 292.

¹²⁴⁾ *Pais*, Storia di Roma, I, 1, 423 и 468: la battaglia del lago Regillo nei suoi particolari è la ripetizione di quella dell' Arsia.

¹²⁵⁾ Liv. 2, 6.

ный Тарквиній, собравъ войска тарквинійцевъ и веептянъ, отправляется походомъ противъ римлянъ. На встрѣчу этрусскимъ войскамъ выступаютъ оба консула перваго года республики, Брутъ и Валерій. Впереди шель Брутъ во главѣ конницы, за нимъ слѣдовалъ Валерій съ пѣхотой. Также и впереди этрусковъ шла конница подъ начальствомъ сына Тарквинія Арунта; своди шла пѣхота, предводительствуемая самимъ Тарквиніемъ. Арунтъ, завидѣвъ Брута, издали устремился противъ него, и такимъ же образомъ поступилъ и Брутъ. Столкновеніе обоихъ вождей было столь стремительно, что оба они оказались убитыми панювалъ, пронзивъ другъ друга своими копьями. Тѣмъ временемъ подоспѣла пѣхота: на одномъ крылѣ римляне опрокинули веептянъ, на другомъ—тарквинійцы римлянъ. Результатъ оказывался нерѣшительнымъ. Тѣмъ не менѣе ночью Тарквиній ушелъ съ своими войсками и распустилъ ихъ по домамъ. Римляне въ ту же ночь были оновѣщены о своей побѣдѣ, услышавъ изъ сосѣдняго лѣса *Arсія* громкій голосъ лѣснаго бога Сильвана, который сообщилъ имъ, что въ битвѣ у этрусковъ пало однимъ человекомъ больше, чѣмъ у римлянъ и что, слѣдовательно, сраженіе выиграно римлянами. А такъ какъ по утру обнаружилось исчезновеніе этрусковъ ¹³⁶⁾, то Валерій, подобравъ непріятельскіе доспѣхи, возвратился съ триумфомъ въ Римъ и устроилъ тамъ торжественные похороны своему товарищу Бруту. Такимъ образомъ сходство битвы при *Арсіи* съ Регилльской битвой заключается, во-первыхъ, въ единоборство Брута и Арунта и, во-вторыхъ, въ чудесномъ оновѣщеніи римлянъ о ихъ побѣдѣ.

Однако есть и пункты различія. Самое замѣтное отличіе битвы при *Арсіи* касается конницы: въ противоположность къ коннымъ голпитамъ регилльской повѣсти всадники Брута и Арунта появляются уже въ роли самостоятельнаго рода оружія согласно съ позднѣйшимъ типомъ организаціи конницы. Весьма существенное значеніе имѣетъ второй пунктъ различія, заключающійся въ томъ, что противниками римлянъ въ *Арсіи* являются одни только этруски безъ всякаго участія латинъ. Притомъ битва происходитъ при *Арсіи*, т. е. по дорогѣ въ *Цере*, куда изгнанный изъ Рима Тарквиній первоначально

¹³⁶⁾ Такое таинственное исчезновеніе этрусковъ, описанное Ливіемъ, замѣнено у Діонисія (5, 16) болѣе мотивированной версіей. Голосъ Сильвана слышали не только римляне, но и этруски, а послѣдніе исчезли не сами собою, а подъ натискомъ римлянъ, ворвавшихся въ ту же ночь въ лагерь враговъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ слышанъ былъ голосъ Сильвана.

удалился въ изгнаніе ¹³⁷⁾. Стало быть, движеніе войска Тарквинія предполагается направленнымъ со стороны цэритской области. Если же въ его войска цэритяне отсутствуютъ, то это позволяетъ думать, что преданіе объ Арсіейской битвѣ, въ качествѣ мѣстной легенды, приуроченной къ лѣсу *Arсія*, въ своей основѣ сложилось еще въ періодъ дружественныхъ отношеній между римлянами и цэритянами, установившихся съ самаго же основанія республики, какъ послѣдствіе событій, заставившихъ Тарквинія покинуть не только Римъ, но и свой родной городъ Цэре и искать убѣжища въ Кумахъ. На это же время указываетъ и присутствіе веевтянъ, въ качествѣ неизмѣнныхъ враговъ римлянъ въ первое столѣтіе республики. Наличие же редакціи арсіейскаго сказанія, благодаря присутствію въ ней тарквинійцевъ, отражаетъ въ себѣ уже условія покоренія южной Этрурии въ серединѣ IV столѣтія ¹³⁸⁾, а время окончательнаго оформленія сказанія опредѣляется изображеніемъ въ немъ ролью копницы.

Возможно, что арсіейское сказаніе, бывшее жизнеспособнымъ еще въ IV столѣтіи, какъ показываетъ его приспособленіе къ условіямъ тогдашняго времени ¹³⁹⁾, послужило образцомъ для обработки регилльскаго повѣсти въ новой редакціи, и въ частности для внесенія въ нее діоскуровъ въ подражаніе чудесной помощи арсіейскаго Сильвана.

V. Построеніе II книги Ливія.

Итакъ регилльская повѣсть о пораженіи латинскихъ XXX *populi* въ своей основѣ отражаетъ народную память о временахъ, предшествовавшихъ водворенію въ Ладіи городского строя. Въ этомъ отношеніи она примыкаетъ къ циклу историческихъ сказаній о нашествіи сабинянъ, также воспроизводящихъ память о временахъ до-тарквиніевской эпохи. Однако для вопроса о построеніи анналистической традиціи въ предѣлахъ II книги Ливія можетъ быть принята во вниманіе только наличная форма регилльскаго повѣсти въ ея „тускуланской“ редакціи, сложившейся въ данномъ видѣ не ранѣе самаго конца IV столѣтія, и въ этомъ смыслѣ она является ровесницей арсіейскаго сказанія, также получившаго окончательную форму не раньше

¹³⁷⁾ Liv. 1, 60, 2.

¹³⁸⁾ Liv. 7, 15, 10; 7, 19, 2 сл.

¹³⁹⁾ Заслуживаетъ вниманія, что въ арсіейской повѣсти выступаетъ консулъ P. Valerius Publicola. А въ 353 году, когда произошло присоединеніе цэритской области, однимъ изъ консуловъ былъ M. Valerius Publicola.

второй половины того же столѣтія. Еще въ началѣ III столѣтія народно-эпическое творчество продолжало проявлять свою жизнеспособность, какъ доказываетъ, напр., приобщеніе къ сказанію о битвѣ на форумѣ храма Юпитера Статора, построеннаго въ 293 году ¹⁴⁰⁾.

Рядомъ съ этимъ въ началѣ III столѣтія начала развиваться письменная историографія, сперва въ нѣдрахъ коллегии понтификовъ, а вскорѣ послѣ этого и въ формѣ общедоступныхъ литературныхъ произведеній. Съ 296 года ¹⁴¹⁾ матеріалъ Ливія замѣтно обновляется. Здѣсь впервые приводятся легенды съ ихъ нумераціей и численностью, съ указаниемъ ихъ начальниковъ и мѣста назначенія; тогда же впервые появляются официальные данныя о prodigia съ иѣропріятіями сената и т. д. ¹⁴²⁾. Тогда же, въ періодъ Первой пунической войны, верховнымъ понтификомъ состоялъ Тиберій Корунканій, который, по правдоподобной догадкѣ А. О. Зимана, первый свелъ въ систему историческій матеріалъ архива понтификовъ, восполнивъ свой трудъ доступными для него свѣдѣніями о начальной исторіи Рима и въ частности о древнихъ царяхъ ¹⁴³⁾. Въ ближайшее послѣ Корунканія время выступаетъ Навіи съ своимъ сатурническимъ эпосомъ о Первой пунической войнѣ, въ первыхъ двухъ книгахъ котораго излагалась древнѣйшая исторія Рима, начиная съ Энея. А вслѣдъ за Навіемъ возникаетъ богатая анналистическая литература. Понятно, почему матеріалъ народно-эпическихъ сказаній, насколько онъ попадалъ въ зарождающуюся въ III столѣтіи историографію римлянъ, оказывается фиксированнымъ въ такихъ чертахъ, которыя указываютъ на бытовые условія того же или ближайше предшествовавшаго времени.

Подлинныя свѣдѣнія официальной хроники понтификовъ восходятъ не далѣе середины V столѣтія до Р. Хр., точнѣе не далѣе 464 года, т. е. начинаются только съ первыхъ главъ третьей книги Ливія. Все то, что имѣется въ первыхъ двухъ книгахъ Ливія, создано, слѣдовательно дополнительнымъ образомъ. Это касается не только матеріала, но и его хронологическаго распредѣленія. То и другое является результатомъ работы многочисленныхъ писателей, пополнившихъ и

¹⁴⁰⁾ См. „Легенда о близнецахъ“, 126.

¹⁴¹⁾ Liv. 10, 18.

¹⁴²⁾ См. *Philol.* 1895, 158.

¹⁴³⁾ См. „Начало мировой полѣтня“, 482.—На счетъ дѣятельности Корунканія можно отнестись особенно не только такія данныя о Нумѣ Помпидіи, какъ, напримѣръ, церемоніалъ его избранія, но и явно тенденціозное превращеніе его въ преэминента Ромула.

исправлявшихъ по своему разумѣнію сдѣланное ихъ предшественниками.

Регилльская повѣсть, заимствованная изъ народно-эпической устной словесности, представляетъ собою назидательный образчикъ анпалистическихъ пріемовъ, какъ въ обработкѣ матеріала, такъ и въ опредѣленіи хронологіи. Такъ какъ для времени до 464 года не было официальной лѣтописи и, слѣдовательно, не было первоначально и консульскихъ фастовъ, то приурочиваемыя къ этому времени событія размѣщались, насколько это было возможно по признакамъ, заключающимся въ самомъ матеріалѣ. Въ „тускуланской“ редакціи регилльской повѣсти такимъ признакомъ являлось указаніе на храмъ Кастора, построенный въ память чудеснаго явленія діоскуровъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они поили своихъ лошадей. А такъ какъ освѣщеніе этого храма относилось къ 484 году (на 22 году капитолійской эры), то подъ этимъ же годомъ помѣщена была и регилльская повѣсть, упоминавшая о поводѣ построенія храма. По храмовой традиціи, удостоивренной, какъ можно полагать, надписью, подобно надписи на Капитолійскомъ храмѣ, строителемъ храма являлся одинъ изъ Постуміевъ, родъ которыхъ носилъ прозвище Regillenses. На основаніи истолкованія этого прозвища въ смыслѣ побѣднаго титула, согласно съ позднѣйшими примѣрами этого рода, строитель храма А. Постумій, вмѣстѣ съ тѣмъ, признанъ былъ и регилльскимъ побѣдителемъ, вслѣдствіе чего въ повѣсти оказались теперь два диктатора.

А такъ какъ Постумію отдана была побѣда и, слѣдовательно, конецъ войны, то за Т. Ларціемъ, прежнимъ единственнымъ диктаторомъ повѣсти, осталось только начало, что и опредѣлило хронологическую послѣдовательность обоихъ. Слѣдъ приуроченія регилльской повѣсти къ 484 году сохранился въ извѣстіи Діодора о войнѣ съ тускуланцами въ этомъ именно году. Если же источникомъ Діодора служилъ Кассій Геминъ, то, слѣдовательно, такая хронологія Регилльской битвы принималась этимъ современникомъ Третьей пунической войны, и притомъ, вѣроятно, еще по примѣру Катона, введшаго эту повѣсть впервые въ составъ анналистическаго матеріала.

Затѣмъ, не ранѣе времени Суллы, изъ греческихъ историковъ извлечена была дата смерти Тарквинія въ Кумахъ и опредѣлена 495 годомъ. А такъ какъ по регилльской повѣсти Тарквиній во время этой битвы оказывался еще въ живыхъ, то прямымъ слѣдствіемъ этого являлись необходимость перемѣстить регилльскую повѣсть ко времени, предшествовавшему году смерти Тарквинія. Опорой для пріисканія

новой даты Регилльской битвы служило извлеченное тогда же из греческих источников известіе о войнѣ римлянъ съ „аврунками“, въ которомъ упоминалось объ отпаденіи двухъ латинскихъ „колоній“. Эта измѣна двухъ латинскихъ городовъ въ греческомъ источникѣ значилась подъ 503—2 годами (= ol. 69,2). Въслѣдъ за нею и помѣщена была регилльская повѣсть, причемъ 501 годъ отданъ диктатору Т. Ларцію, а 499 годъ—диктатору А. Постумію. Отпаденіе двухъ латинскихъ колоній являлось здѣсь такимъ образомъ какъ бы прелюдией общаго заговора всѣхъ латинскихъ XXX populi. Такова была датировка анналиста Лицинія Макра, современника Суллы, умершаго въ годъ преторства Цицерона. Въ результатъ регилльская повѣсть оказалась всунутой между „аврунской“ войной и ея дублетомъ, раньше уже (въроятно, со временъ Катона) вошедшимъ въ римскую анналистику подъ названіемъ войны съ вольсками.

Подъ 494 годомъ занесена побѣда диктатора М. Валерія надъ сабинянами. Пока регилльская повѣсть значилась подъ датой освященія храма Кастора, пораженіе латинъ слѣдовало такимъ образомъ за побѣдой надъ сабинянами. Когда же регилльская повѣсть была перенесена къ 501—499 годамъ, то получился обратный порядокъ: диктаторъ Валерій оказался позади диктаторовъ Ларція и Постумія. Анналистъ Валерій Анціатъ снова возвратилъ первенство своему сородичу, помѣстивъ сначала побѣду диктатора Валерія и соответственно этому отодвинувъ латинскую войну къ 498—496 годамъ въ непосредственное сосѣдство съ годомъ смерти Тарквинія. Изложеніе этихъ событій у Ливія основывается частью на редакціи Лицинія Макра, частью на изложеніи Валерія Анціата, причемъ свое отступление отъ послѣдняго онъ оправдываетъ въ полемической замѣткѣ о первомъ диктаторѣ ¹⁴⁴).

Вообще замѣтно, что древнѣйшіе анналисты принимали болѣе низкіе даты для хронологическаго опредѣленія событій, относимыхъ ими къ начальнымъ временамъ республики. Съ большой правдоподобностью можно утверждать это и о нашествіи Порсены. Подъ 477—476 годами Ливій повѣствуетъ о войнѣ съ вейтянами, въ которой нельзя не признать явнаго дублета военныхъ дѣйствій этрусковъ подъ начальствомъ Порсены. Результатъ похода Порсены, заключавшійся въ отобраніи у римлянъ за-тибрскихъ septem pagi съ передачей ихъ вейтянамъ, доказываетъ, что этотъ походъ предпринять былъ въ интересахъ Вей, но никакъ не Тарквинія. Притомъ и у Ливія Тарквиній

¹⁴⁴) Liv. 2, 21, 3 сл.

фигурируетъ только во вступительной главѣ къ разсказу о Порсенѣ ¹⁴⁵⁾, имѣющей цѣлью собственно только прагматизировать его походъ противъ Рима; въ дальнѣйшихъ главахъ Тарквиній совершенно ступшевывается. Изъ этого можно заключить, что имя Тарквинія пристегнуто было къ сказанію о Порсенѣ только дополнительнымъ образомъ. Но разъ Тарквиній оказался примѣшаннымъ къ этому дѣлу, то, конечно, было необходимо отвести разсказъ о Порсенѣ къ болѣе раннему времени. Война съ вентинами въ 477—476 годахъ является остаткомъ первоначальнаго хронологическаго опредѣленія похода Порсены, разсказъ о которомъ, въ этомъ первоначальномъ видѣ, примыкалъ къ легендѣ о гибели Фабіевъ въ борьбѣ съ Веями. Подобнымъ образомъ преданіе объ учрежденіи народнаго трибуната приурочивалось, вѣроятно, къ болѣе позднему времени, соответствующему 471 году консульскихъ фастовъ.

Въ пользу предположенія, что древнѣйшіе анналисты принимали болѣе низкія даты для начальныхъ временъ республики, говоритъ и самый характеръ консульскихъ фастовъ, особенно перваго десятка лѣтъ. Самъ Ливій свидѣтельствуетъ, что у его предшественниковъ замѣчалось большое разногласіе, какъ въ хронологическомъ опредѣленіи событій, такъ и относительно консуловъ ¹⁴⁶⁾. Наличная редакция консульскихъ фастовъ того времени, принятая какъ Діонисіемъ, такъ и Ливіемъ на основаніи официальныхъ фастовъ, составленныхъ въ періодъ триумvirата (не ранѣе 36 года), обнаруживаетъ любопытныя частности.

Въ погонѣ за именами консуловъ составителямъ фастовъ большую услугу оказала, между прочимъ, и регилльская повѣсть. До установленія Варроновой эры, основанной на искусственномъ синхронизмѣ сверженія Тарквинія съ сверженіемъ послѣдняго аоинскаго тирана Гиппія въ 510 году, начальнымъ годомъ республики считался 507 годъ ¹⁴⁷⁾, какъ годъ освященія храма Юпитера ¹⁴⁸⁾, съ котораго велся

¹⁴⁵⁾ Liv. 2, 9.

¹⁴⁶⁾ Liv. 2, 21, 4: tanti errores implicant temporum aliter apud alios ordinatis magistratibus, ut nec qui consules secundum quos, nec quid quoque anno actum sit, digerere possis.

¹⁴⁷⁾ Эту дату принималъ и Полибій (508—7 годъ) и Діодоръ (507—6). Различіе между ними зависитъ отъ различнаго перевода римскаго 507 года на годъ олимпіады: у Полибія захвачена часть предшествующаго, у Діодора часть послѣдующаго года.

¹⁴⁸⁾ Къ этому году, т. е. къ третьему году республики по Варроновой эрѣ, от-

счетъ капитолийской эры: *post aedem Capitolinam dedicatam* ¹⁴⁹). Консулами этого перваго года республики были приняты Гораций и Валерій, первый въ качествѣ магистрата, освятившаго храмъ согласно надписи, а второй, какъ авторъ закона о провокаціи. А въ консулы слѣдующаго затѣмъ 506 года попали регильскіе герои Т. Larcіus и Т. Herminіus ¹⁵⁰). Имя Т. Ларція повторяется и въ числѣ консуловъ 501 ¹⁵¹) и 498 ¹⁵²) годовъ, т. е. именно тѣхъ годовъ, къ которымъ двѣ разныя версіи относили избраніе перваго диктатора; для консульскихъ фастовъ использованы безпристрастно обѣ версіи. Имя Т. Эбуція, начальника копницы въ Регильской битвѣ, внесено въ фасты 499 года ¹⁵³), а имя диктатора А. Постумія въ фасты 496 года ¹⁵⁴); также и въ этомъ случаѣ использованы равновѣрно двѣ различныя даты хронологическаго опредѣленія Регильской битвы. Наконецъ, и М. Валерій произведенъ въ консулы 505 года ¹⁵⁵) вмѣстѣ съ Постуміемъ, который, однако, здѣсь получилъ имя Публия. Такимъ образомъ всѣ герои регильской повѣсти нашли себѣ мѣсто среди консуловъ того времени. Присутствіе имени Аппія Клавдія въ числѣ консуловъ 495 ¹⁵⁶) года позволяетъ предполагать, что преданіе о переселеніи въ Римъ рода Клавдіевъ первоначально приурочивалось въ этому году и что къ 504 году, подъ которымъ оно значится у Ливія ¹⁵⁷), оно перенесено уже впоследствии, въ связи съ общимъ удлинненіемъ начальнаго періода. Особенно замѣчательны консулы 500 года, взятые изъ пасквиля на Цицерона ¹⁵⁸). Подобными вымышленными консулами являются А. Sempronius и М. Minucius, включенные въ начальные фасты два раза, подъ 497 и 491 годами, изъ чего слѣдуетъ, что выдуманный рассказъ о мѣропріятіяхъ по удешевленію хлѣба приуро-

---

несено освященіе храма у Dion. 5, 35 и Tac. h. 3, 72.—У Ливія первые три года окончаны въ два года. Ср. 3, 39. 3: Valerius et Horatius ducibus pulsus rex.

¹⁴⁹) Plin. n. h. 33, 1, 19.

¹⁵⁰) Dion. 5, 36.—Приобщеніе этихъ же двухъ именъ къ разсказу о Порсентѣ (Liv. 2, 10, 6) свидѣтельствуетъ о позднемъ происхожденіи паличшой редакціи.

¹⁵¹) Dion. 5, 50. Liv. 2, 18: Postumus Cominius et T. Larcius.

¹⁵²) Dion. 5, 59. Liv. 2, 21: Q. Cloelius et T. Larcius.

¹⁵³) Dion. 5, 58. Liv. 2, 19.

¹⁵⁴) Dion. 6, 2. Liv. 2, 21.

¹⁵⁵) Изъ этого явствуетъ, что фасты этихъ годовъ получили свою окончательную редакцію уже послѣ обнародованія труда Валерія Анціата.

¹⁵⁶) Dion. 5, 37. Liv. 2, 16.

¹⁵⁷) Liv. 2, 16, 4.

¹⁵⁸) См. выш. 8.

чивался разнo, у однихъ къ датѣ храма Сатурна (497), въ качествѣ казнохранилища, у другихъ же къ 491 году, ради соединенія съ остальной легендой о Коріолянѣ.

Матеріалъ, изъ котораго составилаь вторая книга Ливія, въ первоначальномъ своемъ видѣ состоялъ изъ ряда разрозненныхъ разсказовъ, сгруппированныхъ въ болѣе или менѣе случайномъ порядкѣ, который позднѣйшею критикою исправлялся и видоизмѣнялся согласно замѣченіямъ ея признакамъ. Единственною опорой для хронологическаго опредѣленія событій того времени на первыхъ порахъ развитія римской анналистики служили храмовыя даты капитолійской эры: 507 храмъ Юпитера, 497 храмъ Сатурна, 495 храмъ Меркурія, 493 храмъ Цереры ¹⁵⁹⁾, 484 храмъ Кастора. Въ вѣкъ Суллы къ этому присоединились извлеченныя изъ греческихъ источниковъ даты смерти Тарквинія (495), битвы при Ариціи (508) и войны съ аврунками. Вотъ въ этомъ и состоитъ вся хронологическая основа второй книги Ливія. Консульскіе фасты до 464 года ¹⁶⁰⁾, придавшіе этой книгѣ характеръ лѣтописи, составляютъ заключительный элементъ, который, за недостаткомъ стараго матеріала нуждался, въ значительномъ количествѣ дополненій въ шаблонной формѣ войнъ съ сабинянами, вольсками, эквами и веевтянами, придуманныхъ по образцу матеріала третьей книги.

III. Шестушникъ.

¹⁵⁹⁾ Датировка для *secessio plebis* подъ 494 годомъ получилаь, несомнѣнно, путемъ комбинаціи съ датой храма Цереры, между тѣмъ какъ первоначально въ анналахъ это преданіе объ учрежденіи плебейской магистратуры значилось, быть можетъ, только подъ 471 годомъ консульскихъ фастовъ.

¹⁶⁰⁾ Также *Моммзенъ* (R. G. I^o, 462) признаетъ консульскіе фасты въ достаточной мѣрѣ надежными, только начиная съ 463 года.